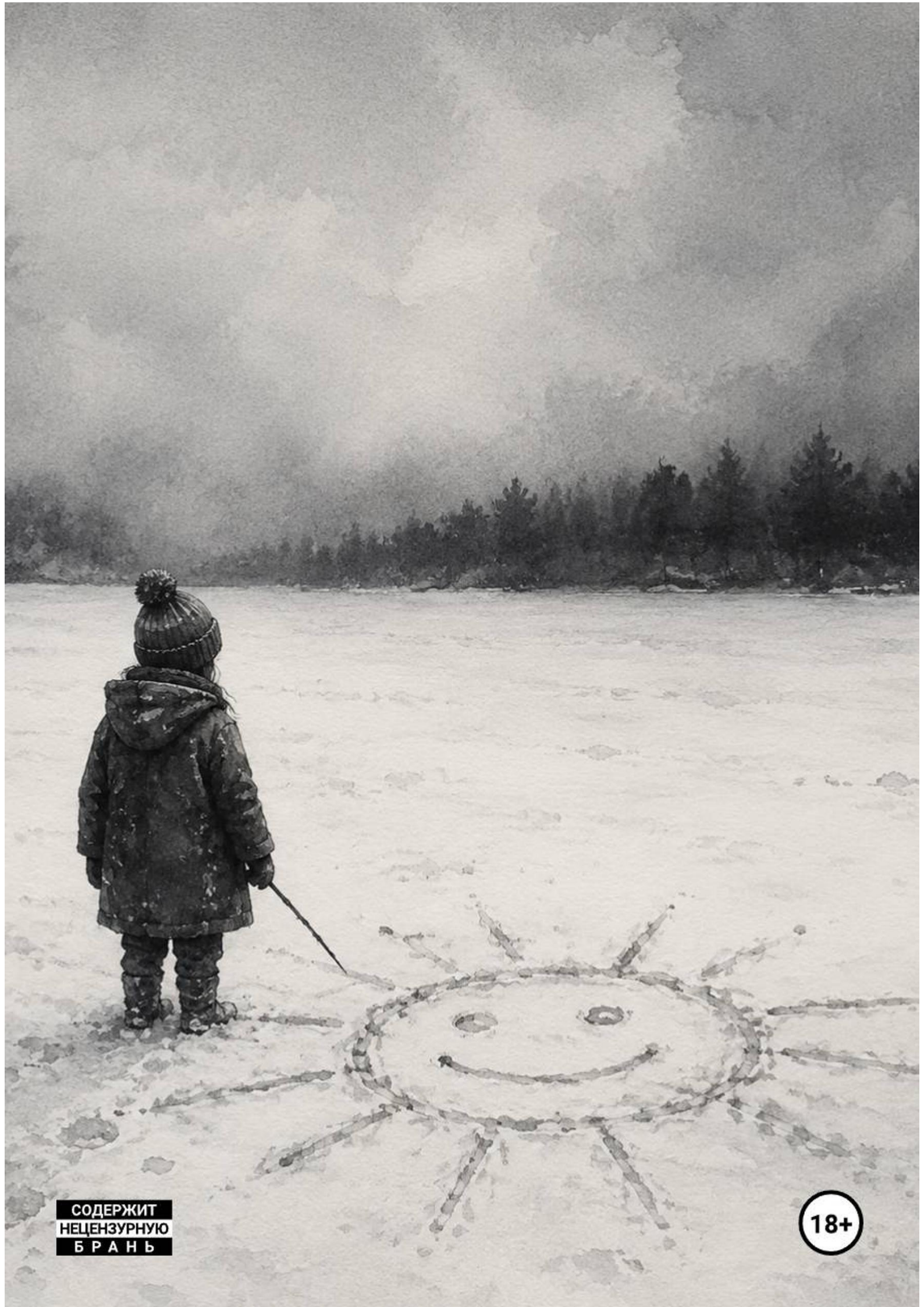

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Темержанова

Пустошь: Все части

«Автор»

2026

Темержанова А. С.

Пустошь: Все части / А. С. Темержанова — «Автор», 2026

Пустошь не прощает ошибок. Здесь умирают все. Вопрос только: кто убьёт тебя первым — холод, голод или свои же?

© Темержанова А. С., 2026

© Автор, 2026

Алина Темержанова

Пустошь: Все части

2026

Пустошь.

Книга 1

Пролог

Металлический трос врезался в запястья и обжигал холодом, не слабее жидкого азота. Мужчина проверил наверняка, дёрнул раз, другой. Занемевшие от мороза пальцы отказывались подчиниться последней воле.

Повязка на глазах обостряла чувства. Подсудимый вслушивался в голоса, гадая, когда начнется церемония. На площадь первыми прибежали мальчишки. Они лезли под ноги, расталкивая зевак. Женщин он различал по высоким и нервным голосам, что шептались, косясь, на подсудимого. Последние — мужчины. Они занимали места в первых рядах, заслоняя собой остальных.

— Смерть ему! — слышалось слева.

— Поджигатель! — подхватил женский голос.

Перед лицом небытия, приговоренные часто обращались к Богу. Даже самый закоренелый атеист молил о прощении. Важен был сам акт — шептать заветные строфы, сложенные сотни лет назад и чувствовать, что ты не один и судьба будет благосклонна к тебе.

Это дарило утешение.

Сейчас не было ничего. Старая вера умерла вместе с миром.

По затишью толпы, стало ясно что вышел чтец. Сутулый старик, с тремором, что никак не мог развернуть бумагу. Прочистив горло в ладонь, он начал:

— За неоднократные поджоги жилых домов, и лишение жизни невинных граждан... вам установлен статус сумеречника, из этого следует приговор к смерти через сожжение.

Земля под ногами качнулась.

— Огонь! — неизвестный крикнул в толпе и засвистел.

Тело рефлекторно рванулось в бок, когда исполнитель щедро залил его одежду керосином. Он обошёл столб, обильно поливая одежду и голову. Жидкость впитывалась в кожу.

«Ты прости меня», — шепнул подсудимый, не зная, к кому именно обращается.

— Зачитывать приговор полностью? — переспросил чтец у кого-то, облизнув подсохшие губы.

Палач отступил на шаг и достал из кармана зажигалку. Колесико провернулось, и хватило маленькой искры, чтобы огонь разросся.

— Во имя порядка! — крикнул чтец — Во имя солнца!

Боль охватила не сразу.

Сначала — ноги. Тепло, что он чувствовал несколько секунд, стало невыносимым. Металл удерживал крепко и нагревшись, прожег одежду. Кожа на голених сразу лопнула — он понял это по звуку, похожий на треск сухой ветки, и в то же мгновение воздух наполнился запахом собственного паленого мяса. Его вырвало прямо на подбородок. Огонь поднимался выше. Лизал колени, бедра, живот. Уже не помнил, как начал кричать, изо рта вырывается не человеческий голос, а звериный вой. Голова билась о ствол, ногти сдирали кору.

Пламя добралось до рук. Пальцы обуглились и скрючились. Предплечья пошли пузырями, лопались, и из-под них сочилась прозрачная жидкость, что в мгновение испарялась от

жара. Захотелось спрятаться, отвернуться, но глаза уже не закрывались. Веки спеклись и прилипли к глазным яблокам, и он смотрел на мир сквозь красную пелену.

Толпа кричала. Он слышал их сквозь вой собственного голоса и шум в ушах, что становился всё громче.

— Это вам за наши дома!

— Смерть поджигателям!

Огонь добрался до груди. Он чувствовал, как лопаются мышцы, трескаются рёбра, открывая внутренности. Но боль вдруг исчезла. Нервы сгорели и перестали передавать сигналы, тело превратилось в кусок мяса, а он — тот, кто в этом теле заперся внутри. Горло спеклось, головные связки лопнули, и воздух выходил из лёгких со свистом, сквозь прогоревшую трахею.

Сознание, освободившись, покинуло тело.

Глава 1 Дело привычки

Я проснулась рано утром от дрожи в теле, плотнее укутываясь в пуховое одеяло. Оно было единственной роскошью, что осталось с того момента, когда Бог покинул нас, но кажется и оно уже не справлялось. Тело казалось слабым и ватным, ощущения будто гравитация увеличилась в три раза.

— Гипогликемия? — произнесла я фразу вслух, как бы проверяя, существую ли я еще на свете.

К чувству боли в желудке, от голода, я уже привыкла, но кажется к морозу никогда. Решив, что снова не усну, я подошла к окну. Пейзаж не менялся уже много месяцев, солнце стало бледным пятном в серо-желтом небе, его свет уже не грел, а лишь обозначал время суток. На землю оседал иней и мельчайшая ледяная пыль. Ели стояли как безмолвные каменные изваяния, покрытые толстым слоем инея. Только бесконечный мрак, леденящий ветер и обманчивые, краткие всплески оттепели, за которыми следовало новое, еще более глубокое похолодание.

После падения астероида в Тихий океан выживание в Сибири стало тотальной, ежедневной битвой за три ресурса: еду, тепло и воду. Цивилизация откатилась к доиндустриальной эпохе, где знание старых навыков и жесткая организация стали единственной валютой. Холод, который раньше был просто неприятен, стал убивать за часы. Любой выход наружу требовал полного обмундирования, иначе — риск обморожения за 10-15 минут.

Поморщившись от вида и подойдя к металлической буржуйке с водяным контуром, на которой стоял котелок с кипятком. Я отлила себе немного в металлический ковшик и поставила остывать. Кипяток хоть как-то мог заполнить желудок и согреть его, заставляя тело расслабиться. Пить сырую воду было равносильно самоубийству. Кипячение стало подобно священному ритуалу.

Заикнув взгляд на соседей по комнате, смиренно лежащих на полу, я наблюдала за их сном. Прижавшись друг к другу, незнакомцы стали ближе, чем когда бы то ни было. Вот оно, что помогает сблизить людей — общая проблема. Спящие лица здорово осунулись, а одежда от постоянной носки прохудилась, как и сами люди. Я нахмурила брови, представив, что будет, когда нашим запасам из магазинов и складов придет конец. Когда в один день кризисные штабы, во главе которых стояли военные, будут давать и без того скудные порции — все меньше и меньше. Тогда талоны, как и деньги, и вовсе перестанут что-то значить.

«Все в миг может возыметь цену так и обесцениться.»

В голову закрались неприятные образы. Как группа может наткнуться на мертвые тела, погибших от холода или стычек. В их глазах мелькают сомнения, возникает желание не хоронить, а употребить, что становится первым моральным рубежом. Это может рационализироваться как: «Они всё равно мертвы, так что это не убийство». В следующий миг воображение

разыграло картинку, где потерпевшему накрывает голову тканью, собираясь отделить части тела.

Я закрыла глаза, заставляя мысли уйти, но они продолжали собираться вновь.

«Преодолев этот рубеж, начнется самый страшный этап, с поедания падали до охоты на людей. В опасности раненые, больные, дети от чужих семей и, несомненно, одинокие путники.»

Сняв обувь, и быстро поменяв сено в ботинках, заменявшие мне стельки, я взглянула еще раз на спящих соседей и двинулась в сторону выхода из дома, плотнее укутывая лицо в шарф. Оглядывая окрестности, механично двинулась в сторону привычного для себя места. Драгоценные стволы деревьев с ягелем. Собрала немного оленьего мха в карман. Внезапно послышались звуки людей, я встала за деревья не шевелясь. И пыталась вслушаться в их диалог. Из-за ветра ничего почти не было слышно, и выглянув из-за дерева я присмотрелась к ним. Два силуэта мужчин стояли возле реки спиной ко мне. Они одеты в многослойные шерстяные вещи и двойные рукавицы. На ногах - меховая обувь с войлочными стельками. И большие сани-волокуши на веревках, внутри которых лежали пещни с металлическим ломом для отламывания глыб.

«Ледорубам, лучшее»

Она незаметно для них двинулась к дому, но не быстро, чтобы ненароком не вспотеть. Нельзя жаловаться, ведь именно они делали одну из самых важных работ, обеспечивая нас водой. Вернувшись домой, в нос сразу дал резкий запах. Женщина лет пятидесяти стояла у металлической буржуйки и готовила отвар из коры сосны.

— Герда, снова бродишь? Принесла что-нибудь?

— Спасение от цинги.

Девушка достала из кармана добытое и протянула ей. Глаза женщины одобрительно мигнули и поварешкой она указала на полку с другими растениями. В доме, у каждого распределены обязанности. Как здесь, так и в оставшемся подобии города. Она прошлась взглядом по опустевшей комнате.

«Наши уже ушли» — сказала она в воздух, странная привычка разговаривать вслух, появившаяся с детства.

Мария, подумав, что слова адресованы ей, ответила, не отвлекаясь от помешивания:

— Сегодня расчищают тропы в Ядре. Метет, сколько ни чисть — ничего, пусть поработают, а то больно болтливые последнее время.

Старик Ерофей сидел в гостиной, поодаль от спальных мест, на кресле с тканевой обивкой. Он всё смотрел в окно и что-то непонятное бормотал под нос. Его лицо — словно маска из морщин и копоти, кожа, обтянутая по скулам, напоминала скомканный пергамент. Отличительными элементами были длинная седая борода, но не белая, а желто-серая, и жуткие светло-голубые, почти выцветшие глаза. Он редко моргал, а взгляд его всегда казался бездонным. Старик продолжал бормотать, и сколько бы я ни пыталась разобрать его шепот, он всё равно оставался несвязным и бессмысленным.

Девушка быстро юркнула к своему спальному месту, обходя спящие тела. Достала спрятанную разбухшую записную книжку и черную гелевую ручку и скрылась в изолированной комнате на втором этаже. Села на пол подальше от окна, постелив куртку, поджала брюки под стопы, чтобы сквозняк не коснулся их. Зажгла керосинку и пролиستала записи и зарисовки в дневнике. Он был начат задолго до того, как мир перевернулся с ног на голову. Она вела его, чтобы привести мысли в порядок, освободить голову от тревог или выстроить логические цепочки на бумаге. Отчего-то думать становилось проще, когда видишь задачу перед глазами.

Она остановилась на странице, где почерк был резкий и прерывистый, местами неразборчивый, видимо писалось впопыхах, эмоционально.

«Люди так обезумели, что стали сметать магазинные лавки, потому что новости объявили какую-то чушь про приближающийся астероид. Как это вообще могло случиться?»

«Значит, миру наступит конец? Но ведь моя жизнь только начинается. Что будет потом? После того как город охватило землетрясение в месте, где его априори не может быть, люди совсем отчаялись. Их душераздирающие крики до сих пор не выходят из головы. Штукатурка со старых стен города стала сыпаться, а люди — как насекомые: если поднять над ними бульжник, рассыпаются кто куда. Я закупила в строительном всё, что может понадобиться: инструменты, веревки, огниво и прочее. Закрыла двери и заколотила окна от мародеров. Стараюсь экономить на еде. Даже на улицу страшно выйти. А как там родные? Ты так спешила покинуть дом, что отправилась учиться аж на другой конец света — лишь бы подальше от них. Все же лучше, чем с ними.»

Я вспомнила о родителях. Не было смысла гадать, как они там: нужно самой постараться выжить.

«Как хорошая дочь, я должна скучать по ним. Но почему всё иначе?»

Погрузившись в мысли, я провалилась в сон. Прошло некоторое время — по ощущениям часа два. Сквозь дымку я слышала знакомые, легко поднимающиеся шаги. Дверь неприятно скрипнула. Не успев осознать, кто это, она почувствовала, как её трясут за плечо.

— Вставай, сдурела спать в таком дубаке?

Герда убрала её руку и оторвалась от пола. Потом потянулась, разминая затекшую спину.

— В чем дело?

— К нам с проверкой. Приводи себя в порядок. Будешь милой с ними — может, есть шанс перебраться в само Ядро!

— Ага, лучше на Периферии сдохнуть от голода, чем с ними. Как-нибудь в другой раз.

Мира улыбнулась:

— От тебя один позитив.

По этажу уже ходили люди в форме ИКР — Инспекции по контролю за ресурсами. Они проверяли каждый темный закуток дома в поисках пищи. Таковы были устоявшиеся правила: жителям запрещалось хранить продовольственные запасы в большом количестве. На это был ряд причин. Идеология Ядра пропагандировала, что каждый получает столько, сколько заслуживает своим трудом и местом в иерархии. Голодный человек слаб и управляем. Человек же с запасом мог стать потенциальным бунтовщиком. Но волонтерам, как и рабочим, кое-что попадало: конфеты, лишняя порция или одежда. Если повезёт — что-то из инструментов, бытовой химии или медикаментов. Мародеры поступали по-своему, добывая ресурсы вне системы: грабили заброшенные склады за пределами Радиана или других людей. Обезумевшие от голода граждане скорее стремились присоединиться к ним.

Мария сжимала ткань на своих штанах, когда группа из трех человек переставляла и обыскивала вещи. Особенно видна была её тревога, когда солдаты подходили к полкам, где лежали собранные с трудом драгоценные травы в фарфоровых чашках. Работу они делали быстро и механично, с частыми случаями разгрома домов или утерь из-за небрежной работы. В прошлый раз это была одна из глиняных ваз, которую Марии подарили на день рождения её дети — двойняшки Ник и Ника.

Самый младший на вид из структуры подошёл к печи и осмотрел её, засунув руку в тёплую золу, вороша её и обжигая перчатки. Потом вынул руки и отряхнул над столом с белой скатертью. Средний рыскал по спальным местам. Он сорвал одеяло и тыкал дубинкой в тюфяки, наполненные соломой. Наткнувшись на тряпичную куклу, подошёл к Нике и опустился до её уровня, глядя на испуганную девочку.

— Поделишься чем игрушка наполнена? Что-то тяжелая. Может, крупа там? Нут какой-нибудь.

Ника, прячась за ногой матери, крепко сжимала её штанину маленькой ручкой. Солдат надрезал куклу так, что у той оторвалась голова. Мелкие камни, скатываясь по нарядному платью, рассыпались по полу. Детский ужас втянулся внутрь. Ника подняла камушки и собрала их обратно в тканевое туловище, прижав к груди. Её лучшая подруга наполовину опустела. Сотрудник скучающе развернулся, чтобы продолжить осмотр.

Старший из военных, прошёл мимо женщин, выстроенных в ряд. Подруга ткнула Герду в локоть, чтобы та приняла дружелюбный вид. Мира всегда сохраняла спокойное выражение лица, и это, безусловно, восхищало. Но сколько бы раз то же ни пыталась сделать Герда, эмоции всегда читались на её лице. Старый солдат остановился перед Гердой. Девушка смотрела на него с нескрываемым презрением, а её доброжелательная улыбка могла напоминать оскал.

Старик обратился к Марии:

— Что это с ней? Она у вас заторможенная? Солнечный ребенок?

«На себя взгляни»

Мария незамедлительно, с напускной эмоциональностью от волнения залепетала, лаская его речь:

— Ой, просто недавно в лесу заплутала, еле дом в метель нашла. Наверное, не может согреться никак. Ну это ничего.

Старый военный натянул похотливую улыбку и протянул к Герде свою костлявую морщинистую руку:

— Знаешь, хоть на вид я и стар, но сил у меня много — хоть всю ночь могу греть без перерыва. Так что...приходи, голодной не останешься. — протянул он и оглянулся на товарищей.

Помощники засмеялись скулящим, шакальным воплем.

Он провёл рукой по её боку и опустил ладонь на бедро, причмокивая. Герда сжала кулак так, что костяшки пальцев побелели. Она почувствовала, как по ногам прошёл ледяной ветер, и в ту же секунду кто-то с силой сжал руку военного — так больно, что тот отпрянул. Выйдя из дымки ненависти, Герда подняла глаза. Перед ними стоял её приятель и лучший друг. Уставшие рабочие по очереди заходили в дом.

— Осмотр ещё не окончен? — добавил Влас, сжимая крепче руку старого солдата.

— Да-да, у вас всё замечательно! — военные встрепенулись и поспешили уйти из дома, не попрощавшись.

Жёны принялись встречать и целовать заледенелых с улицы мужей, попутно делясь событиями дня. Мария уже принялась менять скатерть и наливать всем тёплый отвар в кружки. Приятно, когда все пятнадцать жителей одного дома собирались вместе. Казалось, дом сразу оживал от разговоров, и даже воздух ощущался горячее.

— И всегда суются, когда мужчин нет в доме, Инспекторские Крысиные Рыла, — проворчал Серёжа, друг Власа и наш общий знакомый.

Герда брезгливо отряхнула те места, к которым прикасались.

Наша небольшая компания из четырёх человек обычно всегда держалась вместе в силу нашего возраста. Мы забрали успокаивающий отвар у Марии и поднялись на второй этаж. Полутьма в прохладной комнате придавала особую атмосферу.

Мы старались говорить полупшепотом, чтобы нас не услышали остальные.

Влас сел рядом и осторожно вложил в мою руку клубничный леденец.

— Только ешь не при двойне, и фантик выбрось не дома. Если найдут, такая истерика будет.

— Ограбил кого-то?

— Да, мародёром подрабатываю ночами, не знала?

— Дошutiшься.

— Если бы руки не замёрзли, сжал бы того козла сильнее. Старые кости быстрее ломаются.

Мира шепнула Серёже что-то на ухо, и те засмеялись, глядя на нас.

— Может, вас оставить? Уж слишком хороша картина.

— Называться будет «Попугай-неразлучники» — подхватил Серёжа.

Мы с Власом не оценили их юмор и одновременно вздохнули, закатив глаза.

Спустя время мы согрелись от напитков и разговорились.

— А вы знаете о пещерах-близнецах в зоне Экватора? — начал Серёжа.

— Ну же, удиви.

— Геологи из Ядра нашли там что-то вроде тёплого источника в тех пещерах под скалой. Мы с Власом таскали для них трубы и генераторы. Они там уже теплички закрытые обустраивают. И я видел, как охрана проносила туда ящики с рассадой. Наши начальники вскользь упоминали, что скоро паёк будет из свежих овощей с огорода.

— Сильно не надейся, нам дальше эту тушёнку с ржавчиной есть и отварами Марии запивать, — пробубнила подруга.

Влас подошёл к окну, разминая шею, но резко насторожился, вглядываясь глубже в чернь.

— Вы только посмотрите на это.

Мы подошли к окну. Помимо прочего, вдали выделялся ярко горящий дом и клубы дыма.

— Что такого? — скучающе проворчал Серёжа, надеясь увидеть что-то более любопытное.

— А то, что это уже восьмой случай, и только на Периферии...

— Не надумывай лишнего. Обычное возгорание. Всяко от нарушений по технике безопасности. У нас же редко проверяют, в отличие от Экватора или...

Мира не договорила, Влас перебил её.

— Нет, тут что-то другое. Дома все как один так быстро вспыхивают, не оставляя после себя ничего, будто их специально подожгли. Так же не бывает.

— Ну так город никак не согреть. Может мародеры? — добавил Сережа, боксируя с тенью.

Я легла на старый диван, глубже вжимаясь в него:

— Давайте не гадать. У вас как раз завтра выходной, сходим да пройдемся там.

Влас заметил странные силуэты, поспешно зашедшие за угол здания. Он тяжело опустился рядом на диван и помассировал веки.

Наша компания спустилась вниз, каждый к своему спальному месту. Герда пошуршала под покрывалами. Дневник на месте. Повернулась на другой бок, лицом к пламени буржуйки. Щеки согрелись от света. Мира, лежащая рядом, умудрилась заснуть и смешно посапывала. Влас, Серёжа и остальные рабочие спали ближе к дверям и окнам, в то время как женщины, старик и дети — к печке.

Закрыв глаза, она провалилась в воспоминания — в последние новости по телевизору, что крутили перед тем, как её распределили в этот дом.

Логотип известного новостного канала, ведущий выглядит сосредоточенным и серьезным. Текст бежит по титрам внизу, на фоне обычная студия.

— *Здравствуйте. Мировые космические агентства, координируя данные, подтверждают: к Земле приближается крупный астероид, ранее не наблюдавшийся из-за его расположения на солнечной линии.*

На экране появляется схематичная 3D-модель, где изображены Земля, Солнце и траектория объекта со стороны светила.

— *Объект имеет диаметр приблизительно четыре километра. Расчетные данные указывают на его падение в акваторию Тихого океана, в район, удаленный от крупных архи-*

пелагов. Столкновение с поверхностью планеты неизбежно из-за позднего обнаружения астероида. Сейчас только что завершилось закрытое совещание, и нам обещают дать первые официальные комментарии.

Экран делится пополам. Слева — ведущий в студии, справа — зал с флагами ООН, трибуна, на которой стоят несколько человек. Слышен гул перевода. На трибуну выходит мужчина в темном костюме, словно в трауре. Один из руководителей отдела оценки угроз NASA. Он выглядит бледным. Ставит папку с документами перед собой и поправляет микрофон.

— Благодарю за терпение. К сожалению, я не могу смягчить факты. Объект, ранее не наблюдавшийся из-за солнечной интерференции, подтвержден на траектории столкновения с Землей. Время удара — приблизительно семьдесят часов. Вероятность отклонения равна нулю.

Вспышка камер, приглушенный гул. Руководитель отпивает из стакана.

— Солнце — это главная «слепая зона» нашей системы планетарной защиты. Все современные телескопы, сканирующие небо в поисках астероидов, — как известная система Pan-STARRS на Гавайях — работают ночью. Они смотрят на темный космос и видят объекты, отражающие солнечный свет. Объект, летящий к нам из точки неба, расположенной рядом с Солнцем, днем буквально тонет в его ярком сиянии, а ночью он уже оказывается позади Земли. Мы просто физически не можем навести на него телескоп.

Его взгляд становится отсутствующим, он слегка наклоняется, и его следующие слова прорываются тихим, срывающимся шепотом. Синхронный перевод на секунду запаздывает, и слова звучат на чистом английском, прежде чем их накроет переводчик.

— *God help us all. Мы работаем над немедленными протоколами по смягчению последствий цунами и эвакуации. Масштаб будет беспрецедентным. Наши прогнозы по распространению волн обновляются в реальном времени.*

Далее эфир заполняется картами и графиками, телефонами горячих линий, бодрыми голосами дикторов, призывающих к спокойствию и порядку.

Когда экранное время возвращается телеведущему, Герда уже не слышит, что он говорит. Его взгляд, всегда скользящий по невидимым суфлерам, медленно сдвигается вправо — смотрит ей в глаза. Уголки его губ неестественно дергаются, а лицо странно искажается. По экрану телевизора ползут разноцветные полосы. Стены комнаты задрожали. Пиксели на экране поплыли, растеклись темными потеками и побежали по стенам её комнаты, заливая обои черной рябью. Голос ведущего превратился в низкочастотный гул.

— *Масштаб будет беспрецедентным, будет беспрецедентным, — заиклилось на экране, превратившись в бессмысленный заговор.*

Стены осыпались вниз тяжелой пылью, открывая небо — беззвездную тьму. Холод, обжигающий легкие, хлынул из тьмы, смешиваясь с пеплом стен. Телевизора не было, но голос не прекращался, он звучал со всех сторон:

— МЫ РАБОТАЕМ НАД НЕМЕДЛЕННЫМИ ПРОТОКОЛАМИ ПО СМЯГЧЕНИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ЦУНАМИ, ЦУНАМИ, ЦУНАМИ...

Нарастающий гул, давящий на виски, слился с воющим ветром в щелях оконного проема, со скрипом половицы в доме Марии. Тьма сна схлопнулась, пепел превратился в сухость во рту.

Глава 2 Пепел

Глаза рывком распахнулись, тело вынырнуло из густой смолы. Перед глазами — низкие, закопченные балки чердака. Грудь тяжело вздымалась. Она лежала, ощущая, как последние вибрации кошмара уходят из тела.

Встав около десяти, Герда застелила ещё теплую постель, умылась холодной водой и заплела длинные темные волосы в косу. Последнее время они всё больше оставались на рас-

ческие от недостатка витаминов. Рабочие лежали замертво, отсыпаясь после сложной недели. Влас и Серёжа не оказалось на месте. Женщины всё шуршали в противоположной части дома. Наводили уют, поддерживали тепло в доме, иногда подкидывая дрова. Герда шепотом позвала подругу. Безрезультатно. Пришлось потрясти за плечи, вынудив ту накрыться одеялом с головой.

— Скоро тебе будет где плавать... я обещаю, большая черепаха...

Герда начала порядком раздражаться и перехватила её одеяло за длинные концы.

Мира съежилась калачиком на тюфяке, её рука провела из стороны в сторону, в поиске утерянного.

— Ну же вставай! Мира! Парней нет на месте. Видимо, уже умотали туда без нас. Как всегда.

Подруга нехотя потянулась и приподнялась на локтях. В ту же минуту в дом вошли Влас и Серёжа — их глаза оживленно блеснули.

— Собирайтесь скорее, мы там такое увидели! Быстрее, быстрее! — быстро проговорил Серёжа, нетерпеливо стуча сапогом по полу.

Влас жестом указал на спящих рабочих, и приложил указательный палец к губам, шепотом добавив:

— Возьмите банки и контейнеры, на обратном пути зайдём в ПВ7.

Мария оторвалась от дел строго отчитала парней за то, что те выпускают тепло наружу, скрестив руки на груди:

— Хватит ходить туда-сюда, только улицу отапливаете. Давайте недолго, чтобы к ужину дома.

Герда застегнула пуговицы на пуховике. Дождавшись, пока подруга наконец найдет подходящие носки, мы вышли быстрым шагом двинулись через улицы.

Первым, что бросилось в глаза — красная полоса на снегу у крыльца.

Серёжа коснулся пальцами цветного снега и вдохнул его запах. Мира, подумав, что он хочет попробовать неизвестное на вкус, сморщилась.

— Металлический амбре. Редкостная дрянь.

Ритуальный круг из крови, нарисованный поверх копоты, выделялся ярким пятном.

Герда обошла знак и внимательно оглядела то, что осталось от дома. Стены обуглены равномерно, но нижние венцы сруба или фундамент выгорели сильнее, чем середина. Крыша частично уцелела, провалившись внутрь.

«Поджог... пламя значительно поразило наружную часть»

Девушка заглянула в отверстие, где раньше было окно.

Дверь отброшена внутрь, её петли вырваны, как от ударной вспышки.

Влас заметил на снегу перед домом тёмные, жирные, расходящиеся потёки зажигательной смеси, которую плескали на стены. Они въелись в снег, оставив химические следы.

Исследуя окрестности, Герда заметила на снегу нетронутый огнём клочок бумаги. На нём виднелся фрагмент схемы, похожей на карту: часть круга с буквами «АПОРН» и стрелка. Остальная часть слова, запачкана кровью. Она спрятала бумагу в карман и вышла к остальным.

— Жуткое место, давайте обратно, — шепнула Мира, съжившись от нехорошего предчувствия.

— Мы только пришли. Нельзя так рано. — парировал Серёжа, с любопытством заглядывая внутрь. Он не брезговал подольше пошарить в чужом хозяйстве.

— Но это ведь не наше дело. Оставим это полиции или военным...

Несгоревшая до конца мебель, со стороны обращённой к окнам, оплавлена. С другой — тронута копотью. Серая зола сохранила форму человеческих тел, вжатых в кирпич в последней, нечеловеческой попытке слиться с камнем, спрятаться от жара, что настигал их со всех сторон. В воздухе всё ещё витал запах горелого мяса и сладковатый душок бензина.

«Ну и мерзость»

Крик Миры, донёсся из соседней комнаты. Мы, спотыкаясь, поспешили к ней. Рядом с подругой стоял Серёжа, держа в руках настенную железную маску и весело заливаясь смехом. Мира покраснела от злости, пытаясь выхватить бывший атрибут интерьера.

«Как в детском саду.»

Закончив осмотр дома, мы прогуливались по пустынным улицам.

Проходя мимо жилых домов и каменных заброшенных построек, каждый думал о чём-то своём, пытаясь предположить версии.

— Вчера, та группа была в интересной одежде — вроде тёплых мантий. Они не были похожи ни на мародёров, солдат или патрульных. Почему Ядро закрывает глаза на то, что происходит тут? — начал Влас.

— Ядру нет дела, особенно патрульным. Подумаешь, всего восемь возгораний. — заключила Мира, вспоминая недавний визит ИКР.

— Я не вижу взаимосвязи между расположением, кроме того, что они все с одного района.

Мира закрыла замерзшие щеки и добавила:

— Есть шанс, что наш может быть следующим? Что теперь, дежурить?

— Ага, хорошо придумано. Только нам с Власом встать, ни свет ни заря и работать до вечера.

Влас подхватил:

— Завтра мы с Серёгой ближе к Ядру. Там можно будет поспрашивать людей, пустить корни.

Приняв решение, мы быстро выбросили беспокойные мысли.

— А сколько время? Может, уже выдают? — начала Мира.

— Можно и сейчас занять очередь. Талоны же все взяли? — торопливо проговорил Серёжа, проверяя карманы.

Группа с большим энтузиазмом направилась в сторону пункта выдачи. Он выглядел как переоборудованный капитальный магазин с забитыми досками окнами. Над дверью висела самодельная вывеска «ПВ №7». Всего пунктов выдачи еды было девять, они располагались на границах между Периферией, Экватором и Ядром. Мы вошли в тусклое помещение, освещением служили лампы, работающие от свинцово-кислотного аккумулятора. В глаза сразу бросались пустые стеллажи, а за прилавком — несколько больших ящиков и бочек. Очередь уже выстраивалась в коридоре.

Персонал состоял из трёх человек в телогрейках и шапках-ушанках. Сама процедура несложная: сдаёшь талон с печатью и номером дома, тебя сверяют со списком и наливают еду в посуду, принесённую из дома. Всё происходит быстро и механично.

Редко, по праздникам или как поощрение, давали тушёнку, которую Герда на дух не переносила. Сгущённое молоко стало ценным обменным эквивалентом на Периферии. Стандартными же пайками были: хлеб или кирпичик прессованных пищевых отходов — смесь муки низшего сорта, жмыха, отрубей, слепленная с водой и запечённая до состояния древесины. Его откалывали кусками и размачивали в кипятке, получая похлёбку. Также гранулированный комбикорм для животных, который нашли на сельхозскладах, — безвкусная, но богатая клетчаткой масса, дающая иллюзию сытости.

В меню также входила витаминная паста — тёмная, кислая масса из квашеной свеклы, моркови, капусты, которую удавалось найти на овощебазах. Детские пайки могли включать кубики сахара или сухофрукты.

Очередь, из людей разного возраста, с каждым месяцем выглядела только хуже.

Получив обещанное, мы поспешили домой, чтобы не нервировать соседей. Придя, скинули обувь, верхнюю одежду и рюкзаки, рассредоточились помогать по дому.

Герда и Мира добавляли в закипающую воду дроблёную крупу, жмых и куски хлебных кирпичиков. Всё варилось в общей массе. В последний момент придали вкус щепоткой соли и кусочком жира. Мария наливала похлёбку в личные миски выстроившихся в ряд. Сам котёл после остатков дочиста вылизывали остатками хлебных кирпичиков.

Привычно образовав полукруг вокруг печи, каждый сидел на чём попало. Когда желудок полон, тело в ответ, разливает приятную теплоту. Каждый старался есть неторопливо, растягивая процесс. Самый болтливый из соседей, разделившись со своей порцией, непринужденно завел разговор:

— Слышали? Сегодня на площади казнили поджигателя. Представляете, на Периферии ходил. Повезло, что поймали. Вдруг бы и нас поджег.

Ребята переглянулись и наострили уши.

— Да, закон посуровел. Ну это хорошо, что казнь вернули, а то эти наглые морды пришлось бы кормить, сидя на шее Ядра. Ну поделом. — подхватил второй.

— Не кормили бы их — оставили так умирать.

— Всего один? — недоверчиво переспросила Герда.

— Ну да. А что, больше должно быть? — спросил мужчина, недоумевая.

Девушка не ответила, помыла за собой тарелку и кивнула компании, чтобы следовали за ней. Поднявшись на второй этаж, ребята сели на пол, она же принялась ходить из угла в угол.

— Не сходится. Почему всего одного? А эти кровавые линии никого не смутили? Зажигательная смесь, вокруг дома. Не мог один все это устроить. Да и зачем ему?

— Значит фанатики. А кровавый круг — часть ритуала. — добавил Влас.

— С такими условиями крыша начнёт капать у любого.

— Мало оснований. Найти бы больше сведений, всё звучит как дешёвый детектив.

— Тот мужчина на площади, может, просто под руку попался. Таких Ядру сделать козлами отпущения проще простого. Найти такого, не составит особого труда, — мигом добавил Влас. — власти лишь делают вид, что заняты. Если дело касается целого культа, то казнили бы сразу нескольких.

— Тогда зачем устраивать этот спектакль с казнью? — добавила Мира, накручивая прядь каштановых волос на палец.

— Не знаю... чтобы убедить людей в том, что злодей пойман? Успокоить их. Иллюзия безопасности. — ответил Влас, поглядывая на окно.

— Но ведь если поджигатель ложный, то пожары продолжатся. И что, они каждый раз будут находить этого лжезлодея и казнить, пока вся Периферия не сгорит? — воскликнула Мира.

— Народ, не стало баранов. Нельзя так сразу обвинять верхушку. Нужно дать Ядру чуть больше времени на дело с поиском фанатиков. Казнь — временное решение. — задумчиво прошептала я.

— Или чтобы напугать культ, чтобы не расслаблялись. — предположил Сережа.

Герда покачала головой:

— Мы снова бьем по воробьям из пушки.

— Как вы можете быть так спокойны? Происходит непонятно что. Нужно рассказать взрослым — сказала Мира и встала с места.

Я остановила её, заставляя сесть.

— И что это даст? Если они думают, что Ядро способно решить все их проблемы. И серьёзно верят в то, что поджигателем и правда был тот мужчина, — тихо сказала Герда, сжимая руку подруги. — Для них всё выглядит логично: есть преступление — вот и наказание. Переубедить старших — гиблое дело.

Девушка отдернула руку, в её глазах читался страх, порождённый беспомощностью.

Я тяжело вздохнула и попыталась успокоить её.

— Мира, последователи после этого представления на площади ближайшее время точно не станут ничего предпринимать.

Влас заметил, что я что-то сжимаю в кармане, и молча указал на это взглядом.

«Точно, вот ворона, забыла рассказать»

Герда достала из кармана находку и развернула.

— Нашла возле сгоревшего дома.

Все собрались вокруг рисунка, Мира поднесла керосинку, освещая карту образовавшегося малого города. Чёрными толстыми линиями на ней были очерчены ровные круги — кольцевые дороги, ставшие границами между основными зонами города.

Ядро — малый внутренний круг, в котором проживают главы служб, правящая администрация, партийные функционеры и их семьи, а также учёные и стратегические специалисты: геологи, агрономы, терапевты и хирурги, инженеры-энергетики. Их жизнь в контрасте с остальными является наиболее спокойной и стабильной. Они не обделены электричеством в жилых блоках и дежурным отоплением. Самый страшный сон — скатиться до уровня жизни на Периферии

Средний круг, или Экватор, — руки города. Кузнецы, сварщики, металлурги, печники, строители, электрики и механики тяжёлой техники, фельдшеры, медсёстры, санитары, ледорубы и лесорубы, младшие составы МЧС и Росгвардии, учителя и воспитатели, а также их семьи. Постоянный труд за нормированный паёк. Они живут в больших квартирах-коммуналках по десять человек.

И наконец, Периферия — городской балласт и резерв. Туда вошли: студенты творческих профессий, артисты, музыканты, работники сферы услуг, дизайнеры и журналисты, маркетологи и офисные работники. И остальные группы населения: пенсионеры, инвалиды, многодетные матери, хронически больные, мелкие спекулянты и мародёры. Фактически это резервуар, откуда берут самых крепких на черновые работы.

Формы зданий сверху позволяли отличить дома от торговых центров и церквей. На вид обычная карта, если не брать в расчёт кровавые пятна и красную стрелку, указывающую на одно из зданий круглой формы с неполной надписью: «..АПОРН..»

Глаза Власа озарились догадкой, и, разобравшись с этим, он прошептал:

— Водонапорная башня. Кажется, единственное сооружение, что имеет круглую форму — Он забрал из моих рук ручку и дописал недостающие буквы, так что получилось:

«ВОДОНАПОРНАЯ БАШНЯ»

Мы понимающе переглянулись и пододвинулись ближе, ловя каждое слово

— Оценил её ещё когда прилетал сюда на самолёте. Нужно сходить.

— Повезло, завтра как раз выходные, — Сережа мягко потянулся.

Прислушиваясь к тишине дома, я поняла, что мы засиделись.

— Ладно, укладываемся. Только на этот раз не уходите без нас, ладно? — проворчала Мира, выделив последнее слово.

Серёжа лениво похлопал её по плечу — знак молчаливого обещания.

Спустившись на первый этаж, мы обнаружили, что все спят. Переодевшись в домашнее, Герда залезла под одеяло и достала находку. Внимательно просмотрела карту ещё раз и вложила её в записную книжку. В голове всё ещё крутились мысли о завтрашней вылазке. От этого сон никак не шёл. Поворочавшись на месте, она сдалась и встала, решив пройтись по дому. Половицы на первом этаже скрипели, поэтому ей пришлось подняться на второй, чтобы никого не разбудить. Она прошла вглубь комнаты и, неожиданно, различила, в темноте силуэт Власа, сидящего на старом диване. Он освещал керосинкой текст незнакомой для неё, книги. Читал медленно, иногда возвращаясь взглядом к предыдущему абзацу. Услышав скрип половиц, парень отвлёкся от книги. Мы скрестились взглядами.

Герда села рядом, разворачивая обложку в его руке.

— Откуда ты её взял?

— Одолжил в библиотеке. Оказывается, там не всё пустили на разжиг, — он повертел книгу в руках — а ты почему не спишь?

— К тебе тот же вопрос.

— Ну...днем все мешают читать. Крики, споры, ещё Сережа достает. А сейчас чем не идеальное время?

Я понимающе промычала и поджала ноги на диване.

— Вся ситуация, странная и страшная. В голову ничего не лезет, кроме этого, а ты спокойно отдыхаешь.

Он сначала не понял, почему она так резко поменяла тему, но быстро встроился:

— Не думай об этом, мы на правильном пути.

Его слова подействовали как снотворное. Мозг отпустил тревогу. Глаза сомкнулись, сама того не заметив, она провалилась в сон. Сквозь дымку она почувствовала, как над ней кто-то навис, укутывая её тело в одеяло.

Глава 3. Башня

Герда проснулась от касания к плечу горячей ладони. Рука ощущалась не женской — мужской. Она нервно дёрнулась и увидела возвышающегося Власа. На его лице застыло удивлённое выражение.

— Прости. Наверное, нужно было разбудить тебя голосом, не подумал, что напугаешься. Стало неловко, вместо ответа она разгладила помятую одежду, после сна.

Парень достал из сумки импровизированное оружие и вложил его в руку. Она осмотрела новый предмет: заточенное шило, обмотанное изолентой и тряпьем у рукояти.

— Оно легко прячется. Для одного точного удара при самозащите сойдёт.

Герда сжала оружие в руке, ощущая его вес.

— Спасибо. Только никто не отобрал бы.

Посидев ещё немного, мы спустились к остальным. Ребята были уже готовы к выходу. У стены стояли, незнакомые, металлические трубы с обмотанной для сцепления рукоятью.

Девушка оглядела изобретение.

— У вас пальцы не замёрзнут их тащить?

Сережа красовался у зеркала, поправляя маску и ответил, не отрываясь:

— Мы их на спине закрепим. Неприлично ходить в гости с пустыми руками.

Выйдя из дома, они молча направились к башне. Глядя на компанию, в голове возникала ассоциация с ниндзя. Вязаный снуд и шарф закрывали лицо до самых глаз, чтобы не обморозить щёки и нос. Торчащие волосы покрывались инеем.

Башня на горизонте всё приближалась, её детали становились видны всё отчётливее. Сооружение можно описать как: облезлый бетонный цилиндр, где ветер выл в дырах, в которых когда-то стояли окна-бойницы. Снег намёл у основания, но ближе к железной двери было вытоптано множество следов, образующих аккуратную тропу — путь паломников.

Серёжа сдвинул дверь. Скрип железа по бетону оглушил мёртвую тишину. Следом зашли девушки, замыкал цепь Влас. Воздух в помещении был спёртым, пахло ржавчиной и протухшим мясом. Сверху, через разрушенный купол, падал призрачный столб белого света. Ребята разбрелись по углам, их шаги отдавались глухим эхом.

В середине помещения стояло каменное корыто из старого бетонного жёлоба, заполненное смесью пепла и костей среднего животного. Мира зажала нос и отошла подальше от ритуального алтаря. На стене красовалась надпись на латыни.

Герда достала записную книжку и быстро переписала: **De cinere sol oritur.**

— Я думаю, ни у кого не осталось сомнений? — начал Серёжа.

— Нужно поскорее делать ноги, — сказала Мира и взяла меня за локоть.

Снаружи слышались нарастающие звуки многочисленных шагов. Влас и Серёжа сжали в руках трубы, а Мира осторожно выключила фонарь. Герда похлопала ребят по плечам, призывая следовать за собой и резко шагнула вглубь башни. Компания укрылась за массивным бетонным коллектором у задней стены, где когда-то крепились трубы. Щель была достаточно глубока, чтобы скрыть силуэты, если не светить прямо в неё.

Скрип двери, луч фонаря бьёт внутрь, подсвечивая столбы пепла и пыли в центре. Стоя с краю, Серёжа заметил, как в здание вошло четыре силуэта в тёплых мантиях. Жрец не отличался внешними атрибутами, но по его вальяжной стойке и отношению к своим можно было догадаться, какую роль он занимает. Серёжа выругался про себя, заметив оставленные следы ботинок на небольших участках, где лежал снег. Он медленно повернул лицо к стене, подставляя под свет только затылок, накрытый капюшоном.

Жрец заметил следы и кивнул одному из исполнителей. Тот начал методичный обход по периметру, светя фонарём в каждый выступ. Свет полз по бетону, как щуп. Герда задержала дыхание, сердце колотилось как бешеное. Луч пробежался по краю их укрытия.

В этот момент раздался новый звук снаружи. Жрец бросил последний взгляд на следы и подал сигнал рукой о прекращении. Он выдвинул кирпич в стене и достал какие-то конверты с сургучными печатями. Это не ускользнуло от внимания ребят. Исполнители прекратили поиск и направились к выходу. Дверь с глухим звуком прикрылась, заставляя комнату погрузиться в темноту.

Компания резко выдохнула и обессиленно осела на пол. Тело Герды дрожало больше от страха, чем от холода.

— Я всё ещё придерживаюсь своей мысли. — добавила Мира вслух.

На этот раз никто из ребят не был против поскорее убраться из башни. Оглядываясь по сторонам, компания вышла. Белый от снега свет ослепил на мгновение глаза до боли в голове.

— Ещё бы чуть-чуть... — начал Серёжа взволнованно.

— Не здесь. Много ушей, дома обсудим, — перебил его Влас, оглядываясь вокруг.

Некоторое время все шли молча, забрав по пути еду. После произошедшего герои поскорее хотели вернуться домой, отдохнуть и поделиться мыслями.

После ужина все мигом поднялись наверх, и каждый начал что-то судорожно, эмоционально щебетать, превращая спокойный диалог в гул из множества голосов. Еда придала сил, в голове шустрее закрутились шестерёнки. Каждый делился впечатлениями.

— И зачем мы только сунулись туда? Я же говорила, это не наше дело, — пожаловалась Мира.

Одновременно с этим Серёжа щебетал:

— Я только в фильмах видел такие алтари. Ну и жуть! А конверты с печатями? Как всё официально.

— Такие печати только верхушка ставит. Что общего может быть у культа с властью? — продолжил Влас, останавливаясь у зеркала.

Герда неосознанно наворачивала круги по комнате в поисках ответа.

— Наверняка больше, чем мы думаем.

— Церковь и Ядро...? — задумчиво добавил Влас, тормоша свои тёмные волосы, придавая им форму.

— При чём тут культ и церковь? — добавила Мира, глядя в потолок.

— Они все одинаково сумасшедшие. Одного поля ягода. Вспомните, нашего Ерофея, — сказал Серёжа, вспоминая причитания старика. Он опустил голову и посмотрел исподлобья, изобразив бормотание.

— Хватит дразниться. Он просто больной человек. — с защитой в голосе сказала Мира.

— Да нет, он всегда был слишком религиозен. Мне Мария рассказывала, что он хранит в половицах какие-то записи и священные книги ещё с молодости. Вот чудик. А ещё, то что его дочь зовут «Мария»? Ну вы поняли, как дева Мария.

— Мы отвлеклись от темы, — проворчал Влас, потирая переносицу.

— Как раз наоборот. Может, у него попробуем спросить про культ? Только понять бы, кому или чему они поклоняются. Я так понял, они очень любят круги. Круг сгоревшего дома, башня... тоже круглая — начал перечислять Серёжа.

Я достала дневник и провела пальцами по надписи на латыни, которую успела переписать со стен.

— Наверняка она как-то поможет. Сначала разобраться бы с ней.

«Как же я скушаю по телефону. Придётся в библиотеку тащиться и надеяться на какой-нибудь переводной словарь, если их все не сожгли».

— Вы отдохните, я сама разберусь. Это не займёт, много времени, — сказала я, вставая с места и направляясь к лестнице.

Влас сделал два шага и схватил меня за плечо, останавливая:

— Постарайся вернуться до темноты. Хорошо?

Она кивнула и собрала в бордовый рюкзак: записную книжку с ручками, шило, кипятилок в термосе и керосинку.

От дома до библиотеки пятнадцать минут пешком, если идти напрямую, через обгорелые бараки. Пепелища уже припорошило снегом, но запах горелой древесины и пятна на стенах оставили след.

Герда остановилась напротив библиотеки, заворожённо глядя на здание. Оно стояло как огромный, обмороженный мавзолей. Окна на первом этаже были забиты фанерой, на верхних зияли чёрные дыры, откуда свисали сосульки.

Войдя, она остановилась, позволяя глазам привыкнуть к сумраку. Холод ощущался густым и неподвижным. Вдалеке она разглядела сгорбленную фигуру старика, плотно кутавшегося в куртку, с толстыми линзами на очках, почти неотделимого от этого места.

«Наверное, он был привязан к этому месту ещё до катастрофы.»

Герда решила не беспокоить старика, и сама прошлась по зданию. Большой читальный зал не отдавал уютом. Бесконечные стеллажи, уходящие в темноту, стояли полупустые. Книги ушли на растопку ещё в первые месяцы. Остатки лежали неровно, жалко. Мокрые бесформенные комки бумаги валялись на полу.

«Удивительно. Как оставшиеся книги не разобрали... Найти тут что-то будет непросто, придётся повозиться.», — подумала Герда, подавив комок разочарования. Но другого выхода не было.

Она подошла к секции, где когда-то была справочная литература. Стеллажи здесь пострадали меньше. Герда стала водить пальцем по корешкам, стирая иней.

«Англо-русский... Немецко-русский... Французско-русский...»

Книги были тяжёлые, некоторые от влаги слиплись в большой кирпич.

«Вот он, латинско-русский словарь. Повезло»

Она попыталась взять потрёпанный синий корешок, но книга будто вмерзла в соседей. Пришлось взяться двумя руками и дёрнуть с силой, но ничего не вышло. Тогда девушка достала своё шило, приставила его по бокам и аккуратно отколола. Раздался приятный звук, похожий на хруст льда, и книга, потеряв несколько листов, отсоединилась. Словарь был холодным на ощупь и тяжёлым, как плита.

Герда повернулась, чтобы подойти к столу, но замерла. В трёх шагах от неё, в проходе меж стеллажами, стоял человек. Высокий, в серой плотной куртке силовика — форменной одежде внутренней стражи Ядра. Мужчина наблюдал за ней уже некоторое время.

— Тут мало кто бывает, — сказал он спокойным, низким голосом. — Особенно с Периферии. И ищут далеко не словари.

Герда опасливо прижала фолиант к груди. Её мозг лихорадочно соображал:

«Легавые, черт! Бежать? Нет, догонит. Может, воспользоваться мной и неизвестно, что дальше.»

— Я тут не одна, меня ждут снаружи, — лихорадочно выпалила она, ожидая его реакции.

Люди, лишённые привычных развлечений, сходят с ума от скуки, и развлечься с простой девушкой для них — плёвое дело, особенно людям, имеющим поддержку и связи от власти.

«Силовик... сильнее меня и здоровее почти на полторы головы. Завалит, не успею опомниться. Кажется тут кроме нас никого. Даже если библиотекарь проснется, не факт, что вмешается. Боги. Думай!»

Силовик сделал шаг вперёд, и свет из окна упал на его лицо, осветив светлые блондинистые волосы. По виду он был ненамного старше её — лет на пять. Усталое, жёсткое лицо с внимательными, изучающими глазами.

— На таком морозе? Снаружи? Тебе нужно поработать над враньём. Не бойся, я не из патруля Ядра.

Девушка попыталась перевести тему:

— Тогда что тут обычно ищут люди?

— Разное. Женщины могут брать сказки для детей или любовные романы. Мужчины же... — не договорив, он улыбнулся, скрещивая руки на груди, — скажем, более взрослую литературу.

Я отвела глаза, представляя, как мужчины разыскивают среди кип книг яркие журналы из летнего сезона с моделями на обложках. Разглядывают их, обмениваются, передают... используют...

Он посмотрел на словарь в её руках и указал в угол зала, где стояла самодельная буржуйка. Из трубы, выведенной в окно, шёл едва заметный дым. Рядом стояли два кресла и стол.

— Садись к печке, если хочешь. Там чуть теплее.

Герда медленно подошла к месту. Силовик не стал ей мешать, сел напротив, достал свою книгу и погрузился в неё, демонстративно показывая, что не представляет угрозы.

Она села, разложила на столе свои заметки, словарь и зажгла керосинку. Дрожащими от прохлады пальцами открыла обложку. Бумага хрустела, угрожая рассыпаться. Пройдясь глазами по переписанной надписи, Герда стала искать значение каждого слова в фолианте. Начался поиск, прерываемый необходимостью отогреть пальцы о стекло керосинки.

De cinere — пепел, sol — солнце, oritur — восходит.

«Солнце восходит из пепла».

Она сидела, вперившись в эту фразу, пытаясь осмыслить её значение.

«Культисты поджигают дома, чтобы возшло солнце? Во имя своего бога, как подношение. Солнце — это всё, оно даёт жизнь, тепло и питание. И укрылись они в башне, чтобы быть ближе к нему. Серёжа упоминал про их любовь к кругам — может ли это быть их символом? Но ведь глава города, помимо веры, сделал солнце символом Радиана. Какая тут связь?». — Мысли проносились в голове, озаряя лицо.

— Нашла, что искала?

Она вздрогнула, покосившись на силовика, молчаливо сжимая записи в руке. Погрузившись в процесс, Герда не заметила, как мужчина сделал им горячие напитки. Он поставил металлическую кружку с дымящимся содержимым, источающим запах хвои.

— Чай из хвои, с сахаром, — сказал он и сел напротив в кресло.

Она бросила безразличный взгляд на кружку, уж точно, не собираясь принимать её от незнакомца. От него, это не ушло.

— Меня зовут Лев, — сказал он, глядя на неё. — Ты с Периферии ведь? Правильно делаете, что опасаетесь. Народные байки, во многом правдивы. Но здесь не все слепые псы Ядра.

«Это он что, на себя так намекает?»

Минут пять она молчала от недоверия. Мужчина неловко продолжил:

— Может... хотя-бы представишься?

— Герда, — односложно ответила она и выглянула в окно, пытаясь разглядеть детали пейзажа из тёмного сумрака.

«Как быстро стемнело. Обещала ведь вернуться. Теперь еще и с потемках добираться».

— Мне пора. Спасибо за компанию, — механически протараторила она, поскорее собирая бумаги в кучу.

Она аккуратно сложила их в рюкзак и погасила керосинку.

— Могу проводить тебя. Опасно одной.

Она ещё раз взгляделась в темноту, оценивая риски, и, устало вздохнув, согласилась.

«Ладно, не так плохо. Может, что интересного узнаю, вроде болтливый.»

— Разве у вас на Экваторе нет своей библиотеки?

— В самом Экваторе нет, только в Ядре. Однако она частная.

Подходя к выходу, дверь вдруг резко распахнулась, и из темноты ко мне быстро потянулась рука, заставляя встать за чужую спину. Испугавшись, я не сразу узнала Власа.

Лев недоумённо посмотрел на нас и подошёл ближе.

— Твой знакомый? — спросил Лев, глядя на меня сквозь Власа.

Ответили вместо неё.

— Да. А ты зачем идёшь за ней? Что-то сделала?

— Нет, не мог даму оставить добираться по сумеркам. Тебе не стоит отпускать её без сопровождения, — посоветовал он, закрывая входную дверь библиотеки.

— Мы уходим, — поспешно добавил Влас и двинулся меж бараков. Я почувствовала напряжение в его голосе.

— Увидимся, Ге-р-да, — проговорил Лев, по слогам произнося моё имя, как будто пробуя на вкус. Он улыбнулся и ушел в темноту, пока полностью не скрылся.

Догнав Власа, я зашагала рядом. Всю дорогу мы молчали. Герда всё думала, как начать разговор, но он избавил её от этого.

— Ничего тебе не сделал?

— Нет, просто хотел проводить.

— Просто проводить... и ты согласилась?

Я помолчала с минуту и продолжила:

— Он не был похож на плохого человека.

— Герда, я тебя не узнаю. Мы ведь не знаем, что у людей в голове. Они могут улыбаться нам, говорить приятные вещи, а сами подливать яд в стакан или пользоваться, когда наше внимание ослаблено. К тому же военный, только с виду правильный.

«Он снова это делает. Принимает меня за дуру. Я что для него маленькая, чтобы отчитывать? Почему я вообще слушаю его...», — мысли покатались лавиной, раздражение всегда зарождалось автоматически, если кто-то пытался ограничивать свободу или относился с недоверием.

Единственное, что заставило её успокоиться, мысль о том, какого было Власу:

«Ему пришлось идти за мной, едва разбирая дорогу. И все из-за того, что я засиделась до сумерек.»

— Ладно, прости. Мне и правда стоит быть осторожнее. Я не подумала.

Его лицо озарилось удивлением и привычной теплотой. Я не видела его улыбку сквозь маску, но чувствовала её.

— Тебе удалось расшифровать запись?

— Да. Расскажу всё, как придём.

Зайдя и не обращая внимания на других, мы поднялись на второй этаж к остальным, чтобы поскорее всё рассказать. Герда не стала упоминать Льва и, показав записи, кратко изложила свои мысли по этому поводу.

— Поджигание — это одно из подношений Богу. Но тут не складывается самый главный кусок: как власть связана с ними?

Ребята замолчали, переваривая информацию, все что-то обдумывали у себя в голове.

Внезапно тишину нарушил громкий, отчаянный крик Марии. Мы переглянулись и быстро поспешили вниз. Спустились и остановились возле столпившихся. Все смотрели в одну сторону — за занавеску, где спал старик. Оттуда доносился сдавленный звук. Не плач, а скорее прерывистый, хриплый стон, будто у кого-то вырывают внутренности.

Маленькие силуэты осторожно заглядывали за штору. Двойняшки прижались друг к другу, глядя широко открытыми, непонимающими глазами на мать, которая пыталась проглотить своё горе, чтобы не напугать их. Жёны рабочих перешёптывались у печки — их мужья ещё не вернулись с поручений из Ядра.

Герда медленно прошла вперёд. Влажный холод пробирал до костей. Она взяла под руку двойняшек и отвела их подальше от ужасного зрелища, закрыла занавеску от посторонних глаз, оставив Марию для прощания с отцом. Герда отправила их ближе к буржуйке и уложила спать, но никто из них долго не сомкнул глаз.

— Почему дедушка не встаёт? Он теперь на небе? — спросила Ника.

Герда поправила на них одеяло, касаясь маленьких, острых плечиков.

— Там ему будет лучше. Это место, где тепло и светло.

— Тогда почему он не взял нас с собой? — пробормотал Ник. — Там же хорошо, а тут холодно и мама плачет.

— Он не мог этого сделать. Туда ходят по одному, это очень длинная дорога.

— Это мы виноваты, что мало дров принесли. — Ника приподнялась на локте, в детских глазах плеснулся ужас. — А он всё кашлял... он же старенький, ему тепло нужно.

Герда погладила её по макушке.

— Нет... он ушёл, потому что его тело устало жить.

Они замолчали, но не засыпали, неровно дыша.

— Тётя Герда, а когда умрём мы, нас тоже завернут и... того? Закопают... там же одиноко, под землей. — прошептал Ник.

Герда ощутила иглистые мурашки.

— Вы будете жить долго-долго и вырастете большими и сильными.

Веки двойняшек начали слипаться. Девушка сидела неподвижно, пока их дыхание не стало глубоким и ровным, а маленькие ручки не разжали хватку на её рукаве. Она осторожно высвободилась, накрыв их одеялом повыше. В тусклом свете их лица казались фарфоровыми.

Мария вышла из-за занавески и села у печи. Герда села рядом и положила руку на её сведённое судорогой плечо. Никто не проронил ни слова.

Когда настало время ложиться спать, Герда долго ворочалась в кровати — мысль о том, чтобы спать в одном доме с трупом, её не утешала. Омовение тела и похороны — только завтра, и нужно было помочь с этим. Мира, лежащая рядом, тоже долго ворочалась. Но усталость взяла своё, и Герда провалилась в сон.

Она очнулась не в доме, а в том же читальном зале библиотеки. Но книги на полках горели. Пламя съедало переплёты бесшумно, черня страницы и превращая их в угольные свитки. В центре, за столом, сидел Ерофей с ужасающим, пронзительным взглядом.

— **DE CINERE SOL ORITUR.**

Пламя книг потянулось к нему, обвивая его сухие руки, как послушные змеи.

— Ядро даёт приказ. Координаты следующего на очереди дома — полного лишних ртов. Они называют нас обезумевшими, чтобы вы не увидели в нас инструменты. Я сам поджёл три дома. Видел, как истерят люди, цепляются за жалкую жизнь и жмутся к заколоченным окнам, как матери кричали, умоляя спасти детей. Это было нашей жертвой ради утерянного Солнца.

Старик подошёл к ней вплотную. От него воняло дымом и кровью.

— **Ты слишком много знаешь, так отчаянно ищешь ответы... для чего?!**— его рука, обвитая пламенем, потянулась, чтобы коснуться её волос.

Герда рванулась, задыхаясь. Распахнула глаза — уже в доме. Она лежала на своём месте, сердце хотело вырваться через горло. Сон был настолько ярок, так врезался в сознание, что граница между явью и кошмаром стёрлась. Девушка огляделась, вокруг все спали. Она покосилась за занавеску, где лежало тело старика.

Обмывать тело Ерофея никто не предлагал. Мужчины занимались ямой — не так просто было пробить мёрзлую землю на два метра вглубь. Жёны рабочих не считали его близким и сторонились, переложив ответственность на хозяйку дома.

— Ты же его дочь. — все твердили они.

Мария с опустошённым взглядом сама пошла заниматься телом, но, уговорив Миру, девочки решили помочь ей.

Они принесли таз с талой водой и поставили возле старика. Тело лежало на тряпках — маленькое, ссохшееся, внешне напоминающее пергамент, натянутый на решётку костей. Мира побледнела, стиснула зубы и, сдерживая тошноту, принялась за работу вместе с подружкой. Герде было страшно мыть труп — по большей части из-за страха, что он может схватить её и продолжить сюжет кошмара. Девушка всматривалась в его белые, покрытые пеленой глаза, неосознанно оценивая наличие жизни.

Они перевернули холодное, негнущееся тело на бок, чтобы отереть спину. И тогда она увидела — высоко на лопатке — татуировку: схематичный, чёткий символ солнца. Такой же символ, что на башне. Знак культа и предателя, что жёл дома своих же соседей по приказам Ядра.

У Герды похолодели пальцы. Тряпки упали. Девушки переглянулись, читая мысли друг друга, но закончили дело, обещая обсудить это позже.

Похороны были быстрыми и безликими. Тело завернули в ту же простыню, на которой он умер, и понесли на кладбище за окраиной — поле, усеянное безымянными холмиками, где могилы копали в мёрзлой земле. Народ отпевал себя сам — бормотанием и слезами, без священника. Глыбы мёрзлой земли с глухим стуком начали падать на простыню. Мария плакала громко, безутешно — похороны разрешали слабость. Дети, почувствовав настроение матери, тоже разревелись, их испуганный плач смешался с завыванием ветра.

Герда смотрела на яму, но перед глазами у неё стояло не лицо старика, а татуировка. Когда они шли обратно, она больше не чувствовала страха. Он сменился леденящей, чёткой яростью к Ядру.

Глава 4 Новая вера

После церемоний меня не могли покинуть мысли о старике. Тихий дед был одним из поджигателей. И умер он, унеся эту тайну. Взгляд останавливался на его комнате, где лежали жалкие пожитки. Он жил с ними под одной крышей. Спал, ел, молился своим бредовым идеям. Всё это не укладывалось в голове.

Мужчины и парни после случившегося ушли на работы — подальше от тоски и давящей тишины. Сегодня было очередное черновое дело на окраине Ядра — расчистка завалов.

Вчера на пункте выдавали картошку, и, поужинав вкусной её частью, от неё остались лишь очистки. Картофельные очистки Герда чистила для вечерней баланды. Сидя на низком табурете у слабо теплящейся печи, ножом снимала тончайший слой кожуры и грязи. Каждую

очистку нужно было использовать максимально. Руки двигались сами, а мысли складывались в мозаику.

«Они хотят убить нас всех. Для них мы балласт, лишние рты. Периферия — гнойник, который надо выжечь. И культ — их калёное железо».

Она посмотрела на Нику и Ника, играющих во что-то незамысловатое. На Марию, которая штопала дырявые носки, оценивая свою работу сухими, красными глазами. Нож в руке Герды на миг замер. Чистая, яростная ненависть охватила её, глаза опасно заблестели красным в пламени огня. План, сырой, безумный, начал обретать контуры в образах, как вспышки в темноте. В голове заиграли образы о захвате власти Ядра и его подчинении. Но где-то в глубине души что-то сопротивлялось. Он был отчаянным и вёл лишь к резне, где взбунтовавшаяся, плохо вооружённая и истощённая Периферия будет просто перемолота под натиском силы.

«Но даже если выйдет — что потом? Установление новой, идентичной диктатуры? Замкнутый круг. Нет, нам не нужна власть, только справедливость. Чтобы нормированная еда зависела не от сектора, а от вклада и нужды. Как там было? От каждого по способностям, каждому по потребностям», — подумала она, пытаясь вспомнить, откуда выцепила цитату.

Мысли унесли её на страницы школьных учебников про историю коммунизма. И перед глазами всплывали знакомые образы и характеры. Как сияли глаза старого преподавателя истории, разглагольствующего о любимой теме. Кабинет истории, скучающие лица одноклассников. Ей нравилось сидеть на его уроках. Было странно думать, отчего глаза мужчины так горели. Почему в учителе, живущем на небольшой оклад, жизни больше, чем у вечно раздражённого директора школы. Если человек горит чем-то, его даже слушать интересно — будто он может заразить голову своими домыслами и оставить свое зернышко в почве чужого сознания. Счастье отчасти исходит из богатства души, отдачи своему делу и честной любви к нему.

Рассуждения прекратились с острой болью в пальцах. Задумавшись, вместо очистков она срезала слой кожи на пальце.

Тяжело вздохнув, я встала с табурета, подошла к ведру, промыла рану холодной водой и поднялась на второй этаж в поисках бинтов или пластыря. Глаза задержались на комнате старика. Пока все были заняты делом, она юркнула туда, закрыв за собой дверь.

Герда опустила на колени, пробуя выдвинуть потемневшие доски.

Одна из них, рядом с местом, где стояло кресло, шаталась едва заметно. Ногтями она подцепила край доски и приподняла. Под ней лежала аккуратная, завернутая в тряпицу записная книжка, серебряный крестик и Библия. Дрожащими руками она развернула первый лист побуревшей бумаги. Почерк был тонким и порывистым. В записях указан Орден Солнца и наброски символа. Пролистав записи, она внимательнее вчитывалась в текст, написанный от лица Ерофея:

«Холод пришёл не сразу. Сначала был огонь — слепящая полоса на небе, осветившая ночь. Потом — удар. Мир содрогнулся в конвульсиях. Океан вздыбился, а небо затянуло пеленой пепла, которая не пропускала свет, но несла смертельный холод. Наступала ударная зима.

Выживали мы кучками. В бункерах и обгоревших заводах. Возвращаясь в прошлое, я вспоминаю свои учения. Будучи учёным-библеистом и историком религий с кафедры университета, последние годы я глубоко изучал символизм света в гностицизме и труды отцов церкви. Мой сын, Аркадий, часто был подле меня. Внимательно слушал мои размышления, взятые из старинных фолиантов.

Но в нём с детства была заложена увлечённость политикой и властью. Всё свободное время сын изучал политологию, менеджмент, историю и экономику. В хаосе, где другие видели конец, он разглядел возможность внедрить новые правила. Чудом мы с ним попали на собрание выживших среди бывшей власти разрушенного города. Встреча была похожа на сходку зверей,

загнанных в клетку. И тогда сын сделал уверенный шаг и предложил свой вариант построения системы.

Все доступные ресурсы сосредоточить в одних руках для планового распределения. Те, кто может добывать, защищать, строить и лечить, — в приоритете. Остальные получают столько, сколько останется, чтобы поддерживать в них жизнь для будущего воспроизводства. Многие из присутствующих задумались над его словами. Он долгие месяцы, благодаря знаниям, помогал им построить существующую систему и скоро заручился доверием и поддержкой. Так родился образ Ядра. Цитадель основалась в самом крепком здании — бывшем торговом центре с подземными складами. Вокруг структурировались поселения. Происходило масштабное распределение семей. Таким образом, образовались существующие районы: Ядро, Экватор и Периферия. Сам город переименовал себя в Радиан. Круги стали кастовой системой, и переход между ними был почти невозможен. Я видел, как сына поглощала власть и насколько он отдалился от меня. Но однажды он пришёл ко мне с проблемой. Всё дело в том, что каркас стоял, механизм работал, но в нём не было души.

Люди на Экваторе трудились из страха, а на Периферии умирали от отчаяния. Система грозилась рухнуть от массовой апатии. Аркадий планировал скрепить людей самым надёжным клеем человечества — верой. Вспомнил об отце, моих рассказах о Солнце, что так подходило под контекст реалий мира. Эта идея показалась мне абсурдной, но я не мог потерять сына. Мне нужно было ненавязчиво натолкнуть его, попытаться вразумить, предупредить о том, что власть погубит его. Так я думал, принимая решение.

— Отец, — сказал Аркадий, глядя на меня. — Мне нужна твоя помощь. Людям нужна надежда на будущее. Прошу, помоги мне донести её до них через твои учения.

С моей помощью создался культ Солнца. Они проповедовали в массы идею о новой религии. Идеалы многих о существовавших ранее религиях пошатнулись. Вера в доброго и всемогущего Творца плохо сочеталась с реальностью ледяного ада, где люди умирали от голода. Я вводил новую религию постепенно, приводя популярные примеры из истории.

— Вспомните истории про Фимбулвинтер, великую зиму из скандинавских мифов. Три года без лета, снег со всех сторон — это было предвестие Рагнарёка, гибели богов и возрождения мира. Или египетскую ночь, когда бог Ра покидал небосклон и чудовище Апоп пыталось поглотить свет. Каждое утро жрецы молились о его возвращении.

— Помните зиму после падения Фазтона в греческих мифах? Юноша, который не справился с колесницей Солнца и упал на землю, неся огонь и потоп. И мир погрузился во тьму, пока боги не восстановили порядок.

Я брал мифы со всех уголков планеты и показывал в них единый архетип, где наступала тьма и только с верой люди возвращали свет. И говорил о том, что легенды были не выдумкой, что история циклична, поэтому нам стоило бы поучиться у предков.

— Солнце всегда возвращалось. Из жертвы Бальдра рождалось новое солнце! Ра каждый день побеждал Апопа, а новый Фазтон снова поднимал колесницу! — громко и чётко произносил я, стоя у кафедры в церкви.

— Мы те, от кого зависит его возвращение. Наша вера и способность сохранить в себе человечность — это и есть топливо для возрождения.

Эти идеи, как капли тёплой воды на снег, стали растапливать отчаяние масс. Аркадий видел в них гениальный инструмент социальной инженерии. Люди собирались и пели простые гимны о свете и стойкости — это создавало ощущение общности и смысла. Они поверили в новую религию, так как та давала ясность в суматохе.

Церковь стала выделять сумеречников — тех, кто воровал у своих, демонстративно пропагандировал и призывал людей не верить в новые заветы, мародёрствовал и нарушал порядок. В моей голове всё звучало хорошо и логично. Их объявили носителями тьмы. С ними боролись, презирали и боялись.

Но очень скоро моя доктрина столкнулась с суровой реальностью. Создался тайный Орден Солнечного Пламени. Те, кто выполнял миссию по ликвидации сумеречников, которые обустранивались в отдельных домах. Для ордена поджечь дом сумеречников было не убийством, а актом милосердия и очищения общества. Время шло, запасы заканчивались, а в городе по-прежнему было огромное количество людей

Я начал замечать, что поджоги стали проводиться намного чаще и концентрировались только на Периферии. Задав вопрос сыну, он отмахнулся от моих слов. И тогда я догадался: орден превратился в карательную организацию по сокращению населения.

Люди на Экваторе и в Ядре почти не бунтовали, потому что поджоги сосредоточивались только на Периферии и их не касались. А Периферия была беспомощна, но верила в сказки Ядра про борьбу с ложными поджигателями. Власть могла публично осуждать эти акты, проводя показательные суды, сохраняя видимость справедливости. Культ из религии спасения всех превратился в религию спасения избранных за счёт уничтожения остальных.

Светлая идея, попав в руки циничного прагматика, стала эффективным оружием. И самое страшное, что этим прагматиком стал мой сын».

Текст обрывался. В голове Герды сложился пазл, который так долго витал в сознании.

«Ерофей не виноват... Он не поджигал дома, его просто обманул собственный сын и, видимо... сослал на Периферию. От потрясения старик сошёл с ума и поэтому стал бормотать чушь».

Услышав закрывающийся звук уличной двери, Герда забрала записную книжку старика, поставила половицу на место и вышла из его комнаты. Потом перебралась в место, где они обычно собирались с ребятами, и быстро спрятала его дневник под диван.

Мужчины вернулись рано, и, спустившись на первый этаж, она заприметила, что на столе стояли принесённые ими корнеплоды — точнее, средние редисы и немного моркови, а также странная на вид кудрявая капуста. Собрав очистки в кучу, Герда передала их одной из женщин для приготовления.

Герда и Мира молчаливо поздоровались с Власом и Серёжей. Девушка решила с ходу не загружать ребят рассказом про записи старика, позволив им пообедать в спокойной обстановке и отдохнуть от работы.

Пошёл процесс слаженной работы. Нормальных ножей в доме всего несколько, поэтому было лучше не вмешиваться в готовку женщин. Умелые руки очищали корнеплоды, шинковали и добавляли в кипячёную воду. Следом в ход шли картофельные очистки и кудрявая капуста. Параллельно с готовкой они обсуждали очередную бессмысленность и смеялись, кажется, над всем на свете. Когда исчезла всемирная паутина социальных сетей, всё равно как-то находились ежедневные темы для обсуждения. После распределения Герды в дом Марии неумолкающие беседы и смех утомляли, но после полугода жизни стали привычными.

Ко мне подошла Мира и наклонилась ближе к уху, чтобы слышала только я:

— Постыдились бы. Второй день с похорон, а они щебечут как дрозды на черешне.

— Ага, зато на Марии лица нет.

Я снова перевела взгляд на женщин. Те уже созывали всех на ужин. Подумала:

«Может, и правильно делают — не унывают. Все уже смирились. Интересно, какие отношения были у Марии с братом. Попробовать бы аккуратно расспросить её об их семье, разговаривать».

Получив свою порцию, я поудобнее устроилась возле компании и молчаливо делила с ними трапезу. Задержав взгляд на девочке, я улыбнулась. Ника с испугом смотрела на свой первый упавший молочный зуб в тарелке. Она потрогала место, где он крепился, и с детским ужасом посмотрела на Марию.

— Мама, посмотри! Я скоро буду без зубов, как дедушка, — сказала она, протягивая молочный резец.

— Нет, Ника, ты просто растёшь. Это временный зуб, скоро на его месте вырастет другой.

— А я смогу свистеть, как дядя Серёжа? Он пытался научить, но у меня не получилось, — спросила она, ковыряя образовавшуюся ямку во рту.

— Сможешь — сказала Мария, вынимая её руку ото рта.

Мы одновременно перевели взгляд на Серёжу, а Влас легко толкнул его в плечо:

— Когда ты успеваешь детей чему попало учить? Мы же вместе всегда ходим.

— А вдруг ей нужно будет подать сигнал бедствия? — парировал он, допивая бульон.

— А что, громкий крик не подойдёт?

— Вы не понимаете, свист слышен в десятки раз дальше. Че пристали? Уже доели?

Ника ходила по дому и горделиво показывала каждому свой резец, неся его в маленьких ручках, как ценный артефакт. Она, издеваясь, показала брату язык, ознаменовав себя как более взрослую, нежели мальчик. У того все зубы были на месте. Его это повеселило. Ник подождал, пока сестра отвернётся, и залез ложкой в её недоеденную порцию, подъедая с тарелки, пока та была занята. Я смотрела на всё это, и в душе разрасталось что-то тёплое.

После трапезы, подгадав момент, когда Мария осталась одна, я осторожно подошла к ней и предложила помощь. После согласия я встала рядом, помогая ей с посудой. Гул голосов, споры у печки, сдавленный кашель создавали фоновый шум, идеальные условия для разговора.

— Двойняшки растут, но всё такие же непоседы, — начала я, поглядывая на Марию.

— Что поделатъ, энергии у них на десятерых.

— Наверняка в тебя пошли? Или в отца? Ты редко о муже упоминаешь.

— Не о чем говорить, — Мария махнула тряпкой.

Герде стало неловко. Стал слышен только звук трения тряпки о посуду.

— А характер — в деда скорее. Упрямый был. До последнего даже от лекарств отказывался.

Герда повернула голову, краем глаза наблюдая за профилем женщины.

— А Ерофей всегда таким был?

— Таким безумным? Нет, отец до всего этого был другим человеком. Сидел всегда с книгами и мог рассказывать разные истории за обедом, — в её голосе впервые прорвалась нота ностальгии, но она продолжила. — Мы с братом у ног его сидели, слушали про древних царей, звёзды, про солнце. Ты не представляешь, как он любил истории.

«Да уж, могу представить».

— Ты не говорила, что у тебя есть брат. Ему тоже были интересны все эти... истории?

Тень прошла по лицу Марии. Она стала тереть ту же самую, уже чистую миску, до скрипа.

— Аркаша тоже любил рассказы отца. Он всегда задавал много вопросов, отец смеялся, но никогда не обделял его ответами.

— Я тоже часто вспоминаю прошлое. Одной сложно, как ни крути. Не хочешь взять двойняшек и навестить его? Уверена, он соскучился по своим племянникам.

— Ему сейчас точно не до скуки. Дел в Ядре всегда много, — проговорила она, сдерживая эмоции. Голос её стал тише.

Герда промолчала, дав Марии собраться с мыслями и рассказать больше.

— Он не поддержит. Брат всегда был практичным. Только его одарённость работает не в нашу сторону.

Она отложила миску, уставилась в ледяную воду.

— Самое обидное, что отец с пеленок обожал его. Они могли часами сидеть над картами или старыми книгами, спорить о чём-то из истории, о том, как устроены империи. А я... была девочкой. Милой и послушной. Мама всегда учила меня шить, готовить и быть послушной. Я так завидовала, хотела, чтобы отец и на меня так же посмотрел, как на сына. Не с умилением, а с уважением. Чтобы спросил моё мнение.

Мария с силой протёрла ложку, пытаясь стереть воспоминания.

— А после катастрофы это стало ещё заметнее. Аркадий организовывал людей, строил связи. Отец смотрел на него как на продолжение себя. Был так горд за сына. Они воплощали свои книжные идеи в жизнь, пока я ухаживала за мамой, умиравшей от воспаления лёгких, и растила детей.

Женщина горько усмехнулась и смахнула скатившуюся слезу. Мария говорила долго и безудержно, почувствовав, что должна выговориться.

— Хах...а потом, когда образовался Радиан, и брат вошёл в совет, отец был на седьмом небе. «Видишь, Маша? Какого я сына вырастил? Он спасёт нас всех!»

— Я часто приходила к Аркаше, разговаривала с ним, и его мысли меня пугали. Он сильно изменился, я же чувствую! Как можно так жестоко разделять людей по категориям?

— Потом они повздорили?

— Слабо сказано. Отец наконец-то прозрел и увидел, что выросло из его золотого мальчика, что тот сделал из его светлых мыслей. Никогда не слышала, чтобы он так громко кричал.

Мария замолчала, перевела дух и произнесла следующую фразу как констатацию факта.

— А на следующий день объявил, что отец, ввиду его сумасшествия, будет переопределен на Периферию.

Мария резко выплеснула воду из таза в помойную бочку и ушла. Разговор был окончен. Всё сказанное висело в воздухе тяжёлым туманом.

«Почему ты пошла за отцом? Да еще и с детьми. Наверное, как и в детстве пыталась получить расположение отца своим послушанием и верностью. Как же это знакомо.»

Ей было впервые так неловко слушать Марию, появлялось мерзкое чувство, что она вмешивается в личную семейную хронику.

Позднее, поднявшись в свой уголок, я достала записи Ерофея и передала их ребятам. По мере погружения в текст у каждого по-своему менялось выражение лица. Дочитав запись, Влас потёр глаза. Чтение в полутьме, стало причиной головной боли. Мира вглядывалась в листы, а Серёжа о чём-то задумался, почёсывая рыжую макушку.

— Мы что, снова в гости идём?

— погоди ты, Рэмбо, дай подумать, — сказал Влас, нервно постукивая пальцем по дивану.

— Что тут думать? К этому Аркадию нужно идти, пока он нас тут всех не порешал, — сказала Мира, заново бегая глазами по записям.

— Как у вас всё просто. Злой дядя подбреет, распустит культ, поцелует в лоб и даст по пачке конфет, — Сережа хлопнул в ладоши.

— Нужно собрать доказательства того, что именно он орудует Орденом, и доверить дело народу, — сказала я, встав на сторону Миров.

— Да вы помешались? Это чертово Ядро. Шансы выполнить это и не попасться равны... дайте как подумать... примерно, нулю! — выплеснул Серёжа и покрутил у виска.

— Если не мы, то кто? Я не хочу проснуться посреди ночи, задыхаясь от дыма, в горящем доме! — сказала Мира с требованием в голосе. — Или жить с чувством, что скоро придёт твоя очередь.

Она запустила холодные пальцы в волосы, массируя виски.

— Заберём мы эти доказательства, и что дальше? Думаете, люди поверят нам? Влас, скажи же! — взволнованно бросил Серёжа, переводя взгляд на друга.

— Если удастся получить записи с его печатями и списками о проделанной работе культа, то можно будет предоставить доказательства и хотя бы посеять у всех сомнения, как сказала Герда. Только к чему это в итоге приведёт? Тут два варианта. В лучшем случае его свергнут и орден распадётся. А в худшем восставшие будут в основном из Периферии, и тогда с помощью военных всех просто перебьют, как и планировалось Аркадием. В итоге мы выполним его план, только быстрее, — начал делиться мыслями Влас.

— Экватору не выгодно поднимать восстание. Они живут лучше, и им нет дела до событий на Периферии. Им же будет лучше, если нас перебьют, — сказал Серёжа, ударяя кулаком в стену, так что с неё посыпалась пыль.

— Раз Аркадий отдаёт приказы культу о поджогах на Периферии, станет ли он трогать дом, в котором живёт его сестра и племянники? Он ведь не монстр?

«Понять бы, о чём сейчас думает Аркадий. Чего он добивается этим? Какие чувства он испытывает к Марии? Если подумать, он отправил на Периферию только старика, потому что тот говорил много лишнего. Но ведь Мария сама проявила желание переехать вместе с отцом. Фактически Аркадий не выгонял её из Ядра».

Мы молчали, думая о своём. Глаза слипались, и текст превращался в мазню. Было видно, как измотаны ребята, поэтому не придумали ничего лучше, как лечь спать. Спустившись вниз, я умылась и легла на своё место, откладывая проблему на завтра. Сама не заметив, я быстро заснула.

Глава 5. Оскал.

Новый день порадовал тем, что у всех был выходной, поэтому Герда предложила развлекаться. В моменты неопределённости она часто прогуливалась вне дома. Самим ребятам тоже не хотелось оставаться в четырёх стенах.

Выйдя из жилья, компания направилась в сторону границы, ближе к центру. Дом Марии находился между Экватором и Периферией. Бесцельно бродя, они сами не заметили, как заблудились в лабиринте заснеженных проходов между высокими кирпичными корпусами бывших цехов.

— Кажется, мы проходим эту трубу уже два раза, — проворчала Мира, потирая замёрзшие щёки.

Подходя к подворотне, на нас выбежал мужчина, едва не столкнувшись. Выронил консервную банку с тушёнкой и выругался, поднимая её. Наклонившись, стало отчётливее видно ещё пару таких. Незнакомец почти бегом направился вглубь заброшенной промышленной зоны, к громадине холодильных цехов.

— Куда это он? — проговорила Мира, провожая его взглядом.

— Не знаю. Может, просто чокнутый? — скучающе ответил Серёжа.

— Проверим?

— Нам проблем мало? Помнится, мы развеяться вышли, а не новые... — начал Влас, но его уже никто не слышал. Ребят охватило любопытство, и они двинулись следом за мужчиной, шагая на расстоянии и прячась за углами ржавых цистерн. Влас закатил глаза и поспешил догнать их.

Мужчина скрылся в огромном проёме разбитых ворот. Войдя внутрь, до них донёсся человеческий гул — приглушённый рокот голосов. Компания прижалась к стене, скользя вдоль неё, пока не нашла точку обзора за грудой старых конвейерных лент. Зрелище заставило кровь застыть в жилах быстрее любого мороза.

В центре зала, на бетонном пятаке, была огорожена территория — старыми автомобильными шинами, ящиками, натянутыми тросами. Вокруг импровизированной арены теснились люди. Лица, освещённые дрожащим огнём, искажены азартом, жадностью и жаждой зрелища. В этом месте можно было разглядеть мужчин в прошитых утеплителем куртках рабочих Экватора, несколько человек в форменных поддёвках младших офицеров стражи и даже женщин в относительно целых шубах. Масса что-то кричала и спорила, передавая из рук в руки довольственные пайки.

На арене стояло двое. Первый — огромный бородатый мужчина, чем-то похожий на медведя. В стёганке, перетянутой ремнями, и с ломом в руках. Его противник — тщедушный парень лет двадцати, с лихорадочным блеском в глазах и зажатый в кулаке обломком арматуры.

— Давай, лапуля! Покажи этому увальню, где раки зимуют! — орал кто-то из толпы, заставляя других рокотать.

— Мишаня, дави его! На тебя два пайка ставлю! — неслось с другой стороны.

Мужик двинулся вперёд, издавая рёв. Его удар ломом был силён, но парень отпрыгнул, и арматура со скрежетом чиркнула по полу. Медведь гнал его по кругу, нанося размашистые удары, от которых тот уворачивался на последнем издыхании. Когда силы покинули парня, лом угодил ему в бок. Раздался глухой, влажный хруст, после которого парень обхватил себя и затих, судорожно дёргаясь. Он откашлялся кровью, марая бетон.

Толпа взревела. Одни — в восторге, другие — в ярости от проигрыша ставок. Герда смотрела, и к горлу подступала тошнота. Они попали на подпольный рынок, где ставкой были люди, а плата за победу — еда, лекарства или доступ к теплу.

— Надо уходить, — прошептал Влас, хватая ребят за рукава. — Если нас найдут...

Но было поздно. Свет пролился, ослепив глаза, и люди перевели на них оценивающие взгляды. Ребята стусевались, поспешив уйти, но им помешал амбал, загораживая выход.

— Новенькие? — сипло спросил один из мужчин. — Вас не учили, что за любое представление нужно платить? Или вы пришли поработать? — надавил он, подойдя к компании.

Парни инстинктивно шагнули вперёд, прикрывая девчонок.

— Хо-хо, так вы боевые? Отлично, у нас таких любят, — усмехнулся громила, подзывая своих.

Через толпу их грубо поволокли к закутку за ареной. Серёжа попытался вырваться, но получил кулаком по почкам и, скрючившись, рухнул. Мира впала в истерику. Попыталась двинуться к Серёже, но её оттащили. А Влас с Гердой лихорадочно соображали, оглядываясь по сторонам в поисках решения.

— Отправим девчонку в бой. Ты выглядишь покрепче. Красотка, — присвистнул громила, оглядывая Герду и кивая своим товарищам, чтобы те забрали её. — Такого зрелища у них ещё не было.

— НЕТ! — крик Власа был полон ярости. Он высвободился и с силой ударил державших его мужчин, заставляя их упасть. К нему сзади подбежали другие и ударили его по спине, так что он повалился на колени, и следом — ногой по животу, заставив Власа согнуться пополам.

Придя в себя, Серёжа попытался вмешаться, но получил короткий удар локтем в челюсть и рухнул без сознания. Миру захватили сзади и заломили руку так, что кость хрустнула, и она вскрикнула от боли. Герда потянулась к Власу, оценивая, как он, но её больно оттащили назад.

Друзей, как мешки, затолкали в тёмную вонючую боковушку — каморку без окон. Дверь — тяжёлый железный лист — захлопнулась с оглушительным лязгом. Влас в темноте нащупал потрёпанного Серёжу и проверил его пульс. Мира, стиснув зубы, держалась за вывихнутое плечо. Сквозь толстые стены доносился рёв толпы. Они кричали имя — «Барс!». Влас бился в дверь кулаками, пока они не превратились в кровавое месиво. Он кричал, угрожал, требовал выпустить их. Но ответа не было. Парень чувствовал, как что-то внутри него рвётся на части, — ужас абсолютной беспомощности. Ничего не мочь — невыносимо. Ужасные сцены проносились в голове, Влас был готов ломать свои кости, лишь бы выбраться, но Мира вовремя остановила его, чтобы он не покалечился сильнее.

Герду волокли к ограждению арены не церемонясь. Руки охранников больно впивались в плечи. Силы были ничтожны по сравнению с хваткой мужчин.

— Раздевайся до пояса и быстро! — рявкнул один из них, толкая её в закуток, где катмен готовил очередного бойца.

Охранник рванул её застёжки на куртке. Холод ударил по коже, заставив вздрогнуть. Рёв толпы нарастал, сливаясь в сплошной гул. Противника уже выводили на арену.

— Следующий бой! — прогремел голос распорядителя. — Барс против новенькой! Уважаемая публика, ставьте ставки!

Её толкнули в спину. Свет факелов на миг ослепил. Десятки глаз впились, когда она встала на арену. В воздухе витала вонь крови, пота и возбуждённой толпы.

— Баба!? — пронеслось по толпе. Раздался смех, свист и одобрительные выкрики, от которых нарастала злость.

Барс ослабилась, пощёлкал кастетом по ладони. Его взгляд скользнул по тонкой фигуре, и он состроил гримасу победы от лёгкой добычи. Она отступила к самому краю, спиной ощущая обледенелые шины. Мысли метались, дрожь не прекращалась.

«Силой его не победить. Сейчас бы моё шло. Почему ему дали оружие, а мне нет?».

Барс двинулся не спеша, сделал ложный выпад, я отпрыгнула и поскользнулась. Толпа взревела. Противник атаковал по-настоящему — размашистым ударом сбоку. Я успела пригнуться, и кастет со свистом пронёсся над головой. Тело заныло. Левая рука вцепилась в мои волосы, дёрнув на себя. Боль оцепенила, по виску побежала кровь. Я инстинктивно сжала его запястье, пытаюсь выкрутить, но сила была подавляющей. Дыхание, пахнущее гнилью, обожгло ноздри.

— Сломаю тебя, сука, и выброшу, — прошипел он прямо в ухо.

К глазам подкатывали слёзы — от вони и боли.

Оглядывая толпу, взгляд задержался на знакомом силуэте, вошедшем в помещение.

«Лев?» — почудилось в сознании, когда в глазах начало темнеть. Наши взгляды пересеклись. Надежда придала сил. Я попробовала подать знак.

— Герда, — различила я своё имя на его губах. Тот не стал медлить, достал из куртки пистолет ТТ и выстрелил в потолок, заставляя толпу замолчать, а противника вздрогнуть и замереть. Головы обернулись к источнику звука.

Он стоял на небольшом возвышении у разваленной лестницы. Дымок медленно вился от ствола старого оружия в его руке. Лев медленно пробирался к арене, пока толпа, как подкошенная, расступалась перед ним. Шёпот прокатился волной.

Мужчина шагнул через ограждение шин, заставив Барса отойти на несколько шагов. Затем повернулся к распорядителю.

— Заканчивай этот цирк. Немедленно, — голос Льва разрезал тишину, как лезвие.

— Ты кто такой, чтобы... — начал распорядитель, но голос дрожал.

Лев, не опуская пистолета, достал из внутреннего кармана потрёпанную книжку — удостоверение в кожаной обложке с вытесненной печатью: стилизованным солнцем и аббревиатурой СБР — Служба Безопасности Радиана.

— Представитель правоохранительных органов, — сказал Лев с интонацией неоспоримой власти. — Этот объект, — он повёл рукой с пистолетом, описывая круг, — и присутствующие будут занесены в протокол как участники несанкционированного собрания, признанного экстремистской организацией и подрывающего трудовую дисциплину.

Он шагнул к распорядителю, заставляя того отступить.

— Эту девушку я забираю. И вернусь сюда завтра не один. Мы не будем разбираться, кто организатор, а кто зритель. Оцепим этот цех и проведём тотальную проверку. С конфискацией имущества и отправкой на исправительные работы в шахты.

Распорядитель смотрел на него, и собственная власть, построенная на жадности, рассыпалась в прах, сменившись лицом страха перед системой, частью которой был этот человек. Он махнул рукой, призывая громил отпустить Герду и её компанию. Охранники засуетились и бросились отпирать каморку, из которой вышли Влас, Мира и опомнившийся Серёжа. Другие прессовали толпу, заставляя людей расступаться, очищая путь к выходу. Я задержалась глазами на ребятах и увидела облегчение на их лицах, когда наши взгляды пересеклись.

Лев подошёл ближе ко мне. Его лицо было напряжённым и обеспокоенным.

— Идти можешь? — спросил он, опустившись до её уровня.

Я опустила лицо, не в силах ничего сказать. Он взял меня под локоть, поддерживая, и повёл к выходу. По залу прошла волна шёпота, нас провожали дикими взглядами. Серёжа немного задержался, но вскоре тоже вышел. Кто-то из громил даже любезно вернул мою куртку. Только когда все оказались в переулке, за пределами цеха, мы позволили себе выдохнуть. Я подошла к ребятам и обняла их. Лев спрятал пистолет, тактично подождав, пока мы закончим.

Серёжа, потер ушибленную челюсть:

— Развеялись, называется. Герда, за тобой больше не идем.

— Я думала, тебе конец, — сказала Мира, держа её за руки.

— Не поверишь, я тоже.

Влас выглядел задумчивым и обеспокоенным, волнуясь о том, что не смог ничего сделать. Он никак не мог оторваться от Льва, что все еще придерживал её.

— Может, объясните, почему вы решили участвовать? Особенно ты, Герда. В библиотеке я решил, что ты умная девчонка. Выясняется — ещё и боевая, — продолжил силовик, разряжая обстановку.

«Спасибо не отбитая»

— По случайности. Эти, звери решили на нас отыграться, — сказала она, кутаясь в одежду.

— Люди на Экваторе такие же злоки, как на Периферии. А я, наивный дурачок, подумал, что тут люди радушнее, — добавил Серёжа, вытирая окровавленную щеку.

— Давайте поскорее зайдём в тепло, — добавил Влас, заметив мою дрожь.

— Мария нас сама убьёт, если мы придём в таком виде, — сказала Мира, оглядывая помятых друзей.

— У меня есть место, где можно подлатать раны. Недалеко отсюда, — предложил Лев, доставая из кармана ключ.

Мы не стали долго думать, изрядно вымотанные, быстро приняли помощь от нового знакомого. Прошли при тусклом свете редких фонарей. Лев шёл впереди, его фигура в серой куртке казалась неприступной, но он оглядывался, проверяя состояние ребят, и подстраивался, регулируя собственный темп. Компания двигалась как во сне. Адреналин сменился оцепенением после чудесного спасения и болью от побоев.

Герда обратила внимание на его одежду: он шёл не в рабочем. И поторопилась догнать, встав с ним в одну линию.

«Он что пришёл туда как посетитель?» — подумалось ей, вспоминая жестокость арены.

— А как ты там оказался? — поинтересовалась она у него.

Лев осекся, но честно признался:

— Пару дней назад вышел на неё и решил зайти. Подпольная арена — это не только чёрный рынок, но и место потока слухов и информации. Скажем, я отслеживаю одного человека по личному делу.

Герда не стала допрашивать подробнее и тактично промолчала.

Путь пролегал мимо одного из рабочих общежитий Экватора. Дверь приоткрылась, выбросив в морозный воздух клубы пара и обрывки чужого разговора:

— А я тебе говорю, у них там, в Ядре, бани из мрамора! И горячая вода льётся просто так, из крана! — его голос был полон зависти.

— Тебе-то откуда знать? Бреешь, — бросил ему второй.

— Зуб даю, я работал у них, своими руками сантехнику менял! — упорно доказывал первый.

Голоса ушли дальше, пока не стали едва различимы. Компания поплелась в узкий проход между двумя длинными, казарменного вида зданиями. Мужчина остановился у неприметной железной двери с облезлой краской. Ключ со звуком повернулся в замке.

Внутри пахло старыми книгами и лекарствами. Это было не жильё, а каморка при архиве. Герда внимательно оглядела помещение. Взгляд задержался на походной койке в углу, буржуйке у стены и на столе с керосиновой лампой, бумагами и металлической аптечкой с красным крестом. Невероятный предмет роскоши.

— Садитесь, где можете, — сказал Лев, снимая куртку и направляясь к столу.

Он зажёл лампу. Серёжа опустился на ящик, держась за бок. Мира, стиснув зубы, пыталась пошевелить вывихнутым плечом. Осматривая себя в зеркале, я тронула место на виске, где запеклась кровь, а голова ныла там, где выдрали клоч волос. Влас держался крепко, но было видно, как он стискивал зубы, отгоняя боль.

Открыв аптечку, мужчина протянул Серёже две таблетки и жестяную кружку с водой

— Обезболивающее. Скажи, если пойдёт кровь, — коротко сказал он Серёже и направился к Мире.

Мира попятилась, когда Лев подошёл к ней.

— Нужно вправить, иначе срastётся криво. Я делал это много раз, — предупредил он, пытаясь успокоить.

Мира поджала губы и кивнула, закрыв глаза. Влас и Герда встали рядом, чтобы держать. Процедура была быстрой и точной. Хруст, сдавленный писк Мира — и её плечо обрело нормальные очертания. Лев обратился к Серёже и кинул бинт, чтобы тот наложил ей тугую повязку.

В это время он подошел ко мне. Его пальцы прикоснулись к виску с неожиданной осторожностью. Он протёр рану спиртом и нанёс какую-то мазь. Я обеспокоенно коснулась места, где у меня вырвали клоч, и больно скривилась.

— Не вешай нос, отрастут ещё. Хорошо, зубы не тронули, — сказал Лев, поднимая настроение, и перевёл внимание, на Власа.

Тот демонстративной позой отказывался от помощи, изобразив, что его это не касается.

— Спина, живот? — спросил силовик, обращаясь к нему.

— Ничего, отлежусь, — буркнул Влас, придав себе спокойный вид.

Лев вздохнул и всунул мне в руки обезболивающие и мазь для ушибов, молча указывая глазами на парня. Герда подошла к Власу и, наклонившись, шепнула:

— Ты чего упрямисься, где не нужно? Тут помощь предлагают, безвозмездно, — сказала она, помогая ему снять куртку.

— Так уж безвозмездно? Да, он вообще герой, — прошептал он, чтобы слышала только она. — Только зачем ему любезничать с нами? Сначала вызвался проводить тебя, а теперь рисковал своим положением, раскрывая свою личину на всю арену.

— Пользуйся, пока предлагают. Твоё упрямство к хорошему не приведёт.

Заставив снять верх, я ужаснулась. Спина была покрыта огромным, потемневшим кровоподтёком от пояса до лопатки. Рёбра, с одной стороны, выглядели неестественно, кожа была горячей и отёчной на ощупь. На животе красовался ещё один синяк, поменьше, но зловещего жёлто-багрового цвета.

— Попробуй глубоко вдохнуть.

Она задержала руки над его спиной, боясь коснуться и сделать больнее. Влас сделал вдох, закашлялся и согнулся, схватившись за бок. Его пронзила боль, заставив скривить лицо.

— Ничего, пройдёт, не смотри туда.

Девушка взяла пузырёк со спиртом и чистую тряпку. Прикоснулась к краю огромного синяка на спине. Парень вздрогнул всем телом, мышцы на спине напряглись, как трос. Но он не издал ни звука. Лишь сжал кулаки.

«Эх Влас... В отличие от Льва, тут только ты пытаешься героизировать»

Герда протирала ссадины и очищала кожу вокруг. Под её пальцами чувствовался жар. Закончив с этим, она взяла тюбик с густой, пахучей мазью. На упаковке было написано: «Про-

тивовоспалительная мазь для наружного применения». Зачерпнула пальцем добрую часть и осторожно втирала в повреждённые места, налегая, чтобы разогнать застой.

— Прости, что так всё вышло, — тихо начал парень.

— Мелочи, — отрывисто ответила она, подумав, что он извиняется за неудобство с ним.

— Видеть, как тебя тащат туда, было невыносимо. Я больше этого не допущу. Обещаю.

Пальцы на миг замерли, осознав его признание. Он всегда любил брать ответственность на себя. Герда продолжила водить рукой по спине, с каждым движением снимая напряжение. Закончив с мазью, она потянулась к бинту.

— Помоги мне. Буду наматывать, — сказала она и протянула конец бинта.

Пальцы ненадолго соприкоснулись. Герда встала и начала обматывать торс, протягивая бинт то перед ним, то прося его повернуться.

— Спасибо, — хрипло сказал он, когда она закрепила последнюю скобу.

— Ложись на бок.

Подложив под бок свёрнутую куртку, тело расслабилось, и боль отступила. Влас быстро заснул.

Я подошла к другим, ворвавшись в их разговор. Взгляд зацепился за импровизированный бандаж на плече Миры.

— Нужно сходить за едой на ПВ7 и предупредить Марию, что мы придём только вечером. Как у вас? — спросила Герда, обратившись к ребятам.

— Рука как новая, боли нет, — сказала Мира, проверяя функциональность плеча.

— Тоже лучше. Обезболивающее действует. Только голова гудит — громила сил не пожалел, — ответил серый, всё ещё держась за живот.

— Мне меньше всего досталось. Так что схожу к Марии, забегу на пункт и мигом к вам. Приглядите пока друг за другом.

Герда начала собирать с каждого по талону.

Взгляд зацепился за силовика, что доставал из металлического шкафчика рабочую куртку. Он остановился передо неё, скрестив руки на груди.

— С тобой. Отказа не приму, — вызвался Лев, накидывая верх и оставляя ключи на столе

«Для приличия отказаться бы от его компании и настоять на своём, а то у ребят вопросы потом будут. С другой стороны, еду нести одной тяжело, да и заблудиться легко — район незнакомый. Одинокая девушка с толстым рюкзаком, да... настоящий подарок»

Мысли и претензии так и не были озвучены, поэтому я лишь указала головой на выход. Мы вышли из дома и двинулись в сторону Периферии. Долго молчали, не зная, как подступиться друг к другу. Для Герды шагать с мужчиной, который был старше и, о боже, входящий в государственные структуры, было неловко. Оценивая свои действия в ретроспективе, она покрутила бы у виска. Но относиться к нему с подозрением становилось крайне трудно.

«Обычно люди делают благо другим, если желают получить что-то взамен. На набожного не похож. Тогда что ему нужно? Попросит о мелкой услуге? Говорила Власу, что помощь бывает бескорыстной, осталось самой поверить.»

Лёд под ногами хрустел плотным, утоптанном настом пограничных улиц.

— Ты такая тихая, тепло бережёшь? — нарушил тишину Лев, не глядя на неё. Он шёл с глубоко посаженными в карманы руками, что были изрядно потёртыми.

Мы свернули в переулок, где ветер гулял свободнее, снося с крыш вихри колючего снега. Из-за угла вывалилась пьяная ватага парней. Когда ветер коснулся лица, она почувствовала запах чистого спирта. Ходячие антисептики задержали притупленный взгляд на нас, а точнее — на рабочей форме Льва. Мужики притихли и скрючились, в глазах вспыхнула глухая злоба.

— О, смотри-ка, пёс из этих, — сипло процедил один, обращаясь к товарищу. Его взгляд перемещался по нам, оставляя липкие следы.

— Из силовых. А с ним девка — шлюха периферийная, — подхватил второй, рассматривая Герду. — Продалась, как и другие. За банку компота ебаться до пота. — прошипел второй, после чего они оба залились смехом, но подходить ближе не стали.

Что-то буркнули себе под нос и, пятясь, растворились в темноте соседнего прохода. Я перевела взгляд на Льва, оценивая его реакцию. Но тот был спокоен и лишь продолжил идти дальше, точно переживая сюжет в тысячный раз.

— Много тут таких... озлобленных?

Заметив недоумение на моём лице, он ответил серьёзнее:

— Больше, чем в других районах. Работать на Периферии было намного спокойнее, там люди смиренные. — подав мне руку на скользкой дороге, он продолжил: — Почти все с Экватора ненавидят остальных. Жителей Периферии — потому что уверены, что вы сидите на шее государства, пока они работают за всех. Что, если бы не вы, им жилось бы в разы лучше.

Он помолчал, давая словам осесть.

— А ещё каждый в Ядре живёт со всеми удобствами, — проговорил он как факт. — Как же не ненавидеть тогда?

Я шла, переваривая слова. Мы выходили на пустынную площадь перед полуразрушенным клубом.

«В боях могли участвовать и люди Периферии. Должно быть, приятное зрелище — увидеть, как нахлебник Радиана будет избит до смерти. Пока угнетённые грызутся между собой, получая удовольствие от мук друг друга, они не опасны для власти. Как выгодно, Аркадий.»

Герда смотрела на силовика иначе, чем в их первую встречу. Он казался не таким враждебным, и даже те жёсткие черты, что вызывали страх, смягчились. В душе зарождалось чувство доверия, которое раньше она пыталась подавить.

На горизонте различался дом Марии.

«Какая-то часть меня завидует Экватору за их сытость, а они недолюбливают нас за то, что им этой сытости мало. И мы оба правы по-своему, только оба проигрываем Ядру.»

Я перевела взгляд на тёмные окна в доме Марии, морально готовясь к расспросам. Перед тем как разойтись, я пообещала Льву встретиться на пункте. Потянула дверь, что оказалась заперта изнутри. Я сняла варежку и отбила по дереву согласованный ритм — три быстрых и два медленных стука. Изнутри послышался шорох, щёлкнул засов. Дверь приоткрылась, и в щели блеснул настороженный взгляд Марии. Женщина прошла взглядом по моему внешнему виду и ужаснулась — в её голове крутились сценарии наихудших раскладов.

— Боже, Герда, что с тобой? И где остальные?

— Я одна, дай поскорее зайти.

Проскользнув внутрь и окунувшись в привычную атмосферу, тело интуитивно расслабилось.

— Что случилось? — Мария протянула руки и взяла меня за руки. Пальцы были ледяными и цепкими.

— Всё нормально. Сейчас расскажу. Дай мне минуту.

Герда прошла к старому ртутному зеркалу, висевшему у входа. Сделала вид, что поправляет шапку, но глазами впиалась в отражение. Картина была безрадостной. Лицо бледное, под глазами синяки от недосыпа и стресса, на виске перевязанный порез. Губы потрескались. В уголке рта запеклась кровь, которую она в спешке не оттерла. Одежда была в грязи и подпалинах от факелов арены.

«Разбить бы его, чтобы не видеть.»

Медленно повернувшись, она попыталась натянуть на лицо подобие успокаивающей улыбки. Получилось плохо.

— Знаешь, Серёжа встретил старого знакомого на Экваторе, слесаря, который может научить новым приёмам по работе с металлом. Мы ему помочь решили, за компанию. Не жди нас к обеду, мы там перекусим. Я пришла тебя предупредить и посуду забрать.

Мария смотрела пронзительно. Выражение её лица поменялось со страха на недоверие, а потом сменилось усталым пониманием. Герда бегала глазами, избегая прямого взгляда. Женщина быстро смекнула её настроение.

Как правило, если Герда врала, то утвердительные предложения неосознанно ставила в вопросительный тон. Будто спрашивая собеседника: достаточно ли хороша моя ложь, чтобы ты поверил в неё? И Мария прекрасно об этом знала.

— Герда, — тихо, но твёрдо сказала Мария. — Что с вами произошло?

— Прошу, поверь, всё нормально. Просто сложилось так, что нам нужно быть там. Пожалуйста. Обещаю, мы вернёмся вечером.

Хозяйка замерла, взвешивая и прокручивая вопросы, терзающие её.

— Ладно, — лаконично ответила она и добавила: — Если до двенадцати вас не будет, больше не пушу вас гулять. Это ясно?

Герда кивнула и улыбнулась.

Собрав посуду в рюкзак, девушка шагнула к двери, выскользнув на улицу. Прислонилась к холодным доскам стены и прикрыла глаза.

«Когда-нибудь я перестану быть ограничена взрослыми? Раньше родители, теперь Мария.»

Взяв себя в руки, она направилась на пункт. Там Лев забрал еду и, распределив вес так, чтобы большую часть нёс он, они продолжили путь до каморки. Силовик и сам мог справиться с тяжестью, но, догадываясь о бескомпромиссном характере Герды, выделил ей небольшую часть.

Из-за угла они столкнулись с парнишкой лет пятнадцати, в стёганке на вырост и в шапке-ушанке, съехавшей на затылок. Лицо бледное и осунувшееся, но глаза горели странным, лихорадочным энтузиазмом. В руках он сжимал пачку грубых, серых листов, скреплённых скобами из проволоки. На вид — продукты подпольной типографии, похожие на обёрточную бумагу.

— Граждане! — его голос, ещё не огрубевший, гулко разнёсся по улице, отражаясь от глухих стен. — В честь годовщины Основания в Главном театре Экватора состоится грандиозное представление «Рождение». Вход свободный для всех тружеников Экватора и... — он чуть запнулся, — для ответственных жителей других секторов! Возрождение души мира!

Он ловко, привычным движением, сунул один листок в руку старухе, которая лишь безразлично покосилась на бумагу и, смяв, убрала в карман — вероятно, для растопки. Мальчик метался от одного редкого прохожего к другому, вкладывая листовки в окоченевшие пальцы рваных рукавиц.

— Спектакль о нашей силе! Участвуют лучшие артисты Экватора! Музыка, свет, живое слово! Не упускайте шанс!

Он сунул листовки в руки Льву и Герде, не глядя им в лицо, и рванул дальше, к другим. Она оглядела грубую бумагу, на которой топорно отпечатанным солнцем с лучами был текст:

«Всех приглашаем! На мистерию „Рождение“ в театре „Энергия“ (сектор Экватора, бывший ДК). О великих жертвах, принесённых во имя будущего, и о луче надежды, который зажигается в сердце каждого труженика! Вера порождает смысл, смысл рождает труд, а труд рождает жизнь!»

Мелким шрифтом подписано: Совет Радиана. Орден Солнечного Пламени. Департамент духовного воспитания.

Лев молча наблюдал за этой сценой. Его лицо было каменным, но в уголках глаз залегли глубокие морщины усталости.

Крики мальчика постепенно затихали в лабиринте улиц.

Перед глазами вставали образы. пышное действо на сцене. Актеры в чистых костюмах, изображающие героических рабочих и мудрых учёных. Танцы с факелами. Громкие, патетические монологи о возрождении. И фигура самого Аркадия, возвышающегося над всеми, как земное воплощение возвращающегося светила, благословляющего трудящихся на благо системы. Гости театра, наполненные гордостью за свою причастность и правильную веру. Идеальная стратегия — уничтожать одних физически, а других духовно, подменив реальность ядовитым фантомом.

— Пойдём, — тихо сказал Лев, касаясь её локтя. — Холодно.

По возвращении Влас уже проснулся и сидел на ящике, осторожно разминая спину. Серёжа, заметно оживлённый, что-то рассказывал Мире. Та, кутаясь в верхнюю одежду, слушала его с особым вниманием. Буржуйка раскошегарилась и потрескивала, отбрасывая на стены пляшущие тени. Обратив внимание на вошедших, лица ребят просияли.

— А вот и наша спасительница с провиантом! — воскликнул Серёжа.

— Кто может, помогите донести до насоса за углом. Воду нужно натаять и посуду сполоснуть, — попросил Лев, встав возле таза.

Влас осторожно привстал. Герда хотела вмешаться, но тот выставил ладонь в предупреждающем жесте. Они со Львом взялись за ручки. Вышли в коридор, к ручной колонке. Силовик ловко качнул рычаг, и в таз с плеском хлынула прозрачная вода. Аварийный ручной насос качал воду из подземной скважины, что ещё полностью не промёрзла.

— Ты тут один живёшь? — спросил Влас, поднимая полный таз.

— Практически. Эта комната считается нежилым помещением. Соседи есть, но далеко, — отозвался Лев, придерживая дверь.

Вернувшись, они обнаружили, что Серёжа, раскладывал на столе незнакомое, но богатое содержимое: две банки тушёнки, плитку прессованного сухаря, заветренный, но целый кусок сала и небольшой мешочек соли.

— Когда успел? — ахнула Мира.

Парень самодовольно щёлкнул пальцами.

— Пока герой нас спасал, а арена пялилась на него, как сом на жерлицу. Я сзади шёл и заметил открытый ящик с призовым фондом. Суматоха, шум... ну, вы понимаете. Ловкость рук.

Мы с притворной строгостью сложили руки на груди.

— Да вы че. Ради вас и старался. Они и сами в карманы просились! — он замахал руками, оправдываясь. — С сухарём пришлось повозиться, еле успел вытянуть. Я же знаю, что вы рады. — произнёс последнюю фразу наигранно, тряхнув рыжей копной волос.

Мы с Мирой засмеялись, а Влас опустил голову и зажал переносицу пальцами. Лев снял с буржуйки чайник и поставил на плоскую верхнюю часть широкую, поцарапанную кастрюлю. Его движения отличались точностью и скоростью.

— Сало на сковороде растопим, потом тушёнку. Сухарь размельчим в кружках, зальём бульоном. Будет похоже на похлёбку. Всех устраивает?

Мира пыталась ножом вскрыть банку. Лев забрал её, открывая лёгким движением с помощью специального крючка.

В камерке поплыл невероятный, дурманящий запах жареного сала, а затем — густой, мясной аромат тушёнки, смешанный с паром кипящей воды. Запах сытости и временного мира. Напряжение покидало тело, оседая тяжёлой усталостью в костях.

— Значится, так, — серьёзно начал Серёжа, — Едим, отдыхаем, а завтра идём и рассказываем всем на Экваторе, что Лев готовит восхитительную похлёбку. Народ потянется, и мы устроим бунт на кулинарной почве.

— Да... — наигранно вздохнула Мира, — хорошо тебе по голове стукнули.

Лев разлил похлёбку по жестяным кружкам. Густая, жирная, с кусочками мяса и крошками сухаря.

После сытного ужина силовик ушёл мыть посуду, оставив нашу четвёрку наедине. Треск углей и отдалённый вой ветра в трубе создавали уют.

— Как считаете, ему можно доверять? — начала Герда шёпотом, нарушив тишину.

— Он сделал нам одолжение. Думаю, он неплохой человек, — предположил Серёжа. — А сидеть тут, как мыши в сыре, не вариант. Что будет завтра? — он перевёл взгляд в коридор. Из другой комнаты был слышен шум воды. Лев домывал чашки и вытирал их сухим полотенцем. — К тому же он должен шарить за систему изнутри. Да что говорить, у него есть пушка! Чёрт побери. Мы что, скажем «спасибо» и уйдём?

Мира толкнула его в бок так, что тот скривился. Но поддержала его мысль:

— Он рискнул ради нас. Нам нужны такие союзники. Первый шаг с чего-то начать — это завести знакомства.

Влас, сидевший спиной к буржуйке, поднял голову. Его лицо, освещённое пламенем снизу, выглядело неодобрительно.

— С нами? Не забывайте, кто он. И помог нам из жалости, как детям в беде. У него своя жизнь, привилегии от власти, что всех массово убивает. Может, он вытащил нас, потому что совесть заела, или были свои счёты с теми ублюдками? Не будет он нам помогать. Вы бы восстали против системы, что даёт стабильность? Нас сдадут в ту же секунду, как он поймёт, чем это пахнет.

— Не сдаст, — ответила Герда.

Влас непонимающе ещё раз окинул взглядом девушку. Она сидела, обхватив колени, глядя на пламя в буржуйке. Сомнения клокотали, как бульон в кастрюле.

— Но Влас прав в одном. Мы не можем просто просить его помочь в восстании. Это глупо.

— Так что ты предлагаешь? — спросил Серёжа, раздражённо потирая ушибленный бок.

— Нужно расспросить его о Ядре, Аркадии, как он относится ко всей этой ситуации с поджогами.

В это время в комнату зашёл сам силовик, поставив чистую посуду на письменный стол, сел рядом.

— Тайные агенты, — обратился он к нам с усмешкой. — Я вообще не против, что вы болтаете, но только стены тут тонкие, все прекрасно слышно.

Ребятам стало не по себе.

— И ты прав, Влас. У меня были счёты с теми парнями на арене, но не только это. К нашему новому градоначальнику я также питаю неприязнь, — начал мужчина.

Никто не проронил слов, заставляя силовика продолжить.

— В общем... в один день мы вместе с Марком поступали на службу. Мой друг-идеалист до невозможности. Мечтал спасти людей. — Лев встал, подошел к заваленному бумагами столу и отодвинул верхние папки, словно ища что-то под ними.

— Я сам не заметил, как мы стали братьями по службе. — он развернул потрёпанную карту — схему окрестностей Радиана с пометками, большинство из которых были перечёркнуты красной ручкой.

— Некоторое время назад, — продолжил он, водя пальцем по карте к северо-востоку от города, где линии рельефа сходились в зловещий клубок, — с дальнего поста пришёл сигнал. Группа разведки наткнулась на станцию. Довоенный геологический комплекс с подземными хранилищами. В первых донесениях говорилось о возможных запасах медицинских радиоизотопов для диагностики и даже о неповреждённом генераторе на геотермальных скважинах.

Серёжа присвистнул.

— Достоверных данных не было. Власти собирали добровольцев для разведки и расчистки. Энтузиазм Марка заразил ещё пятерых, и команду отправили с указанием поддерживать связь раз в сутки. Первые два сеанса связи прошли успешно. На третьем они пропали. — он оторвал взгляд от карты, взгляд стал отсутствующим.

— Прошло несколько дней с их исчезновения. Я был в штабе связи. Потребовал отправить группу спасения. У нас был один исправный вездеход и топливо на два выезда. Но справедливая логика в понимании Аркадия победила. Вероятность найти живых, была крайне низка. А шансы потерять второй экипаж и передовой вездеход — выше. Недолго думая, Аркадий принял решение отозвать приказ о спасении.

— Позже я погрузился в бумаги. Месяцы работы с архивами не прошли даром. Наткнулся на старый довоенный отчёт по этой же станции. В нём нашлась информация об аварийных убежищах с автономной подачей воздуха и пищи на продолжительное время. Они были рассчитаны именно на случай долгосрочного обрушения. С бумагами я пришёл к Аркадию и предложил варианты, хотел показать ему, что эта вылазка будет не бесполезной. Но все тщетно.

— Я всё ещё собираюсь отправиться туда, но для этого мне нужны союзники. — он помолчал, вспоминая события прошлого.

— В тот день я перестал быть офицером Ядра. Подал рапорт о переводе. Использовал связи, чтобы меня отправили на Экватор.

«Любопытно, что такого в этой базе. Если разрушена, зря потратим силы, украдём машину — и найдём лишь трупы под завалами. Сплошное самоубийство.»

— Можешь подробнее рассказать про базу? Всё что знаешь.

Лев помассировал виски, прогоняя, накрывшую его, мигрень. Он начал рыться в папке из потёртого картона и достал несколько листов бумаги, испещрённых чётким почерком. Конспекты с выписками и вопросами на полях привлекли наше внимание.

— База «Вектор» напоминает бункер и находится в паре дней езды от города. Поздне-советская постройка, модернизированная в нулевые. Официально — лаборатория по мониторингу недр. По факту — один из пунктов большой сети «Гарант». Слышали о такой?

Я покачала головой. Ребята непонимающе переглянулись.

— Сеть «Гарант», — продолжил Лев, водя пальцем по записям, — создавалась не для ударной зимы, а на случай пандемии с летальностью в девяносто процентов. Для долгосрочной изоляции. Ну, в общем, именно для того, что в итоге и произошло, только для астероида.

Он положил перед нами листок с наброском плана, сделанный от руки. Также там были его пометки:

«Как устроены фильтры и генератор? «Вектор» рассчитан на полную изоляцию экипажа до двадцати человек на срок от четырёх до пяти лет. Запасы продовольствия, системы регенерации воды и медикаменты широкого профиля. В отчёте также фигурируют слова «геотермальный контур» — значит, у них есть свет и тепло.»

— Тогда почему Аркадий не отправил туда своих? — начала Мира.

— Я его процитирую: «Ваша информация представляет академический интерес. Но отправка экспедиции в неконтролируемую зону с риском потерь не входит в текущие приоритеты Совета. Мы работаем над стабильностью здесь, а не гонимся за призраками в тундре», — объяснил силовик.

— Ты сам уверен? — недоверчиво покосился на него Влас.

Радостным воплем Серёжа перебил друга.

— То есть ты хочешь сказать, что в паре дней езды, возможно, есть база с теплом и едой? Чёрт, поехали сегодня? — зацепившись за наши осуждающие взгляды, он вовремя осекся: — Ради Марка, конечно же.

В голове формировался план.

«Уйти на север, найти базу».

Всплыл образ Марии, когда утром она обнаружит наши пустые спальники. Недоумение, холодный ужас. Она будет обегать дом, шепча наши имена в пустоты углов.

«Она подумает, что ушли навсегда. От отчаяния пойдёт в комендатуру. Спросит, не видели, не слышали ли. А ей ответят, что группа молодых людей с Периферии подозревается в угоне государственного транспортного средства. Увидит наши лица в розыскных листах. Предателей общественного порядка. А брать её опасно. База может оказаться саркофагом, да и не поедет она. Тогда, если вернёмся в Радиан, нас будет ждать не дом, небо в клетку и рубашка в полоску.»

Под слоем сомнений, вязким как дёготь, тлели другие мысли.

«А если он прав? И база жива? Чтобы действовать против Аркадия, для начала отвязаться бы от его влияния. Это будет отличным шансом начать».

Решившись, я резко прервала молчание.

— Если мы пойдём с тобой, то перестанем быть гражданами своих секторов. Там, в тундре, не будет ни Ядра, ни Периферии. Обещай, что не предашь нас и сделаешь всё возможное, чтобы поездка была безопасной. Поклянись, что будешь с нами честен до конца. Сомневаешься в маршруте — говоришь. Если есть шанс умереть — тоже говоришь. В лицо и без намёков.

До этого всё было шутками, и только когда я предложила серьёзно, компания оторопела. Влас сжал мою руку под столом и посмотрел в глаза, пытаясь понять, но увидел лишь упорство. Я старалась не смотреть на него, чтобы не растеряться, и ждала реакции Льва.

— Обещаю. Это и в моих интересах тоже.

— И взамен, — продолжила я, переведя взгляд на ребят, — мы обязуемся доверять тебе до той черты, где кончаются наши подозрения. Мы будем делать то, что скажешь ты, когда дело дойдёт до того, в чём ты разбираешься лучше. Аналогично, ты прислушиваешься к нам.

Я обвела взглядом друзей. Повисло тяжёлое молчание. Серёжа смотрел на меня широко раскрыв глаза, будто я только что предложила станцевать на столе. Он всегда ценил прямоту и ясные правила. То, что предлагала я, было безумным, но ясным. Мира ногтем обводила ямку на столе, решаясь. А Влас молча сжимал мою руку. Я искала в них поддержку, не хотела безвольно заставлять идти.

— Ладно, чёрт, если уж на то пошло... — Серёжа хмыкнул. — На арене не кинул, значит, не сволочь. Договор, так договор. Только, — он ткнул пальцем в сторону Льва, — если будешь врать и мы выживем — я лично разделаюсь с тобой.

Тут вмешался Влас. Его лицо было искажено холодной, рациональной яростью.

— Лев, спасибо, что помог. Боюсь, пора домой. Нам нужно обсудить всё наедине, — он постарался придать себе вид вежливости, скрывая напряжение.

Одевшись и забрав посуду, компания попрощалась и направилась домой. Мы шли медленно. Адреналин арены давно выгорел, оставив боль в мышцах. Оголённое место на виске продолжало ныть. Серёжа прихрамывал, поддерживая ушибленные рёбра, и дышал через зубы, пуская клубы пара. Мира инстинктивно прижимала локоть к боку, где бинтовали плечо. А Влас шёл чуть скованнее — его плавная походка была нарушена глубоким синяком. Разбитая компания отступала после проигрыша к новому, ещё более неясному рубежу.

Серёжа продолжил развивать тему:

— Влас, ну правда. Мы сидим тут, в этой промёрзшей консервной банке. Каждый день один и тот же маршрут: дом — работа — пункт выдачи — дом. Самому не надоело? А тут... приключение. Настоящее. Какая-то цель в бессмыслице.

— Приключение? — Влас резко обернулся, на его лице вспыхнуло раздражение, что он сдерживал весь день. — Ты правда называешь это так? Голодный поход по радиационной

тундре с одним пистолетом на всех и проводником, в честность которого мы должны верить на слово? Больше похоже на самоубийство с элементами квеста.

Мы свернули в узкий проход между двумя казармами. Ветер, гулявший здесь свободно, выл как голодный зверь и сорвал с моих губ слова.

— Я верю в его ненависть к Аркадию. Это реальнее, чем клятва. Он поведёт нас, потому что наши цели схожи.

— Прекрасная основа для доверия, — язвительно заметил Влас. — Мы — инструмент мести в чужой войне. И как только перестанем быть полезными...

— А здесь мы полезные? — неожиданно вклинилась Мира. Она зашагала посередине. — Там, по крайней мере, мы будем нужными в своём деле, а тут что?

Мы вышли на пустынную площадь перед старым клубом. Ветер выл сильнее и нёс с собой снежную пыль, которая била в лицо тысячами иголок. Одежда липла к бинтам, пот смешивался с остатками мази.

— А если базы нет? — вдруг спросил Влас, уже без вызова, с обречённой прямоотой. Он шёл, отвернувшись от ветра, и его профиль казался вырезанным из льда. — Может, всё это лишь красивая сказка для отчаявшихся? Или хуже — ловушка, чтобы избавиться от неудобных свидетелей, что знают слишком много.

Я посмотрела на тёмный силуэт нашего дома на другом конце площади. Жёлтый, дрожащий огонёк танцевал по стенам в окне. Единственное место стабильности и безопасности.

— Тогда мы умрём, — просто сказала я, поворачиваясь к нему.

«Как же я изрядно устала во всём сомневаться».

Ветер вырвал шарф, и холод обжёг горло. Глаза заслезились, но я продолжила:

— Не хочу сгинуть, как старик. Лучше рискну и ошибусь.

Взгляд Власа стал ещё беспокойнее, но в лице помимо этого появилось уважение и страх за меня.

Серёжа похлопал друга по плечу.

— Брось, дружище. Сидеть и ждать, когда крыша начнёт капать, — такой себе вариант. А так хоть посмотрим, что за городом. Правда, Герда?

Девушка не ответила, пошла через площадь, проваливаясь по колено в наметённый снег. Каждый шаг требовал усилия.

Хозяйка открыла не сразу. Привычный ритуал стука, щелчок засова. Я встала, чуть сгорбившись, стараясь не выдать скованность движений. Серёжа, войдя, тут же прислонился к стенке, делая вид, что просто устал, а не держится за бок. Мира быстро сняла варежки и сунула руки под мышки, пряча неестественный угол плеча. Но Мария всё понимала и принимала. Спрашивать нас прямо было бесполезно. В мире слишком много вещей, которые лучше не знать, чтобы не сойти с ума от беспомощности.

— Одна беда, — пробормотала она, отворачиваясь и идя к буржуйке. — Вечно вот надо где-то лазить. Раздевайтесь, остатки похлёбки в котле.

Сели у печки, поодаль друг от друга, как чужие, и ели не глядя. Сомнения, высказанные на ветру, теперь клубились в тепле.

Когда в доме воцарился сонный шёпот, я легла на своё место рядом с Мирой — спиной к спине. Серёжа ворочался, неровно дыша. Влас не спал, смотрел в потолок, взвешивая риски. Неприятная ночь, где каждый был одинок со своей правдой. Но мы двигались вперёд из-за страха остановиться.

Глава 6 План

Непроглядная чернота под потолком наблюдала в ответ. Затишье обнажало собственные мысли, делая их кричащими. Они кружились сухими листьями в водовороте ветра.

Мерные шаги доносились сверху. Осторожно выскользнув из-под одеяла, по половицам я двинулась к лестнице. Влас расположился на диване лицом к чёрному квадрату окна. Он ничего не делал, просто сидел, упираясь локтями в колени. Спина, неизменно прямая, стала измождённой. Я села рядом с ним, посмотрела украдкой. Свет выхватывал резкую линию скулы, захотелось коснуться.

Без мыслей моя рука дрогнула и приподнялась. Пальцы замерли в паре сантиметров от лица. Он заметил нерешительность. Жестом усталой беспомощности опустил голову, упершись лбом в мои пальцы. В груди накатила волна жара и трепета. Я глубже запустила руки в его чёрные пряди, ощущая жёсткую структуру. Заботливый жест ощущался непривычно. Влас покачнулся вперёд, лёг на мои колени и уткнулся лицом в живот. Тело дрогнуло от тотальной уязвимости. Руки опустились. Одна легла на затылок, другая на висок, где пульсировала жила. Осторожно провела ладонью по коже, очерчивая форму головы. Он дышал глубоко и ровно. Ресницы коснулись щёк. Парень позволил себе перестать слушать доводы разума.

— Останься ещё ненадолго, — прошептал он, обвивая рукой спину, чтобы быть ближе.

Мои глаза расширились от крепости живых объятий. В солнечном сплетении заныло от неизведанной тоски.

— Я не уйду, — прошептала я, глядя его волосы.

— Иногда я думаю, что ты исчезнешь. Будто тебя никогда не существовало, — тихо признался он, поглаживая оголённую кожу на моей спине. — Ты всегда кажешься далёкой, холодной, будто до тебя не дотянуться даже при всём желании. — Помолчав немного, он спросил: — Скажешь почему?

Вопрос завис в воздухе, время замедлилось. Герда сама не знала ответа. Ей всегда думалось, что близкие отношения — не для неё. Она возводила вокруг себя стены всякий раз, когда к ней кто-то тянулся. Не в её природе было пустить всё на самотёк и позволить себе чувствовать, а не думать. Стало больно.

«Абсурд. Что я тут делаю?» — привычно закралось в мыслях. Я убрала ладони от его тела. Внутри всё кричало: беги, отстранись, возведи стену так высоко, чтобы больше не слышать голос, не видеть его.

Она была не готова к этому, не знала, что с этим делать. Любовь, привязанность — всё это дикое, незнакомое.

— Если ты серьёзно настроена идти, я пойду с тобой, — не дождавшись ответа, он перевёл тему и приподнялся на один уровень со мной. — Буду прикрывать тебя, остальных и даже эту львиную морду, если понадобится.

Мир поплыл, но не от романтики, а от накатившей ответственности. В памяти всплыли его слова. Ноздри наполнились ароматом пахучей мази, а кожу под пальцами обожгло. Она вспомнила, что он раньше вскользь обещал: «Видеть, как тебя тащат туда, было невыносимо. Больше этого не допущу».

— Что? — выдала она. — Перестань, это смешно.

— Я обещал защищать тебя. — прошептал он с улыбкой.

Герда отшатнулась, будто от удара. Слишком прямо. Она не хотела властвовать над чьим-то решением, быть причиной. Слова связывали по рукам и ногам, делая её будущие ошибки его смертным приговором.

«Стоп. Не надумывай лишнего. Это просто дешёвая манипуляция. Попытка заставить меня остаться»

Девушка глубоко вдохнула, собирая осколки защитной скорлупы.

— Я не передумую, — прозвучало твёрдым тоном. — Оставь свои мотивы при себе, Влас. Мне нужен соратник, а не последователь.

Герда видела, как слова ранят его. Взгляд потускнел, а челюсть сжалась. Но ей необходимо было отгородиться, вернуть дистанцию. Ради неё самой.

— Как скажешь.

Он поднялся и пошёл к своему спальному месту. Посидев ещё немного, я тоже спустилась.

Наступил другой день, настало время действовать. Отпроситься у Марии девушкам не составило труда, но парням пришлось отыгрывать больных, чтобы им выделили достаточно времени на восстановление, временно отстранив от работы.

В каморке силовика мы распределили обязанности для подготовки к экспедиции. Снаряжение добывалось в «серой зоне» — на стыке Экватора и Периферии, где царил стихийный бартер. Серёжа благодаря своей болтливости получил две старых автомобильных покрышки у рабочего с Экватора, отдав взамен полбанки самодельного спирта «шалашика», что чудом достала Мира. Спирт-шалашик представлял из себя мутную, желтоватую жидкость с удушающим химическим запахом, напоминающим смесь ацетона, горелого пластика с нотками сладковатой гнилости. Пить это чревато слепотой или тяжёлым отравлением, но он по-прежнему пользовался спросом.

Покрышки мы порезали на длинные, прочные ленты и сделали из них импровизированные уплотнители. Влас занялся обходом всех заброшенных гаражей в секторе и достал трос от ручного тормоза, несколько метров резинового шланга для возможного ремонта топливной системы и с десятков огромных, ржавых саморезов — на случай, если нужно будет что-то намертво прикрепить ко льду или дереву.

Но главной задачей по-прежнему оставались топливо и транспорт. Лев ушёл на разведку к автобазе ещё утром. Сидя на старом диване, я перебирала содержимое рюкзаков. Пальцы наткнулись на твёрдый край записной книжки, спрятанной в боковом кармане.

Машинально пролистнув, из страниц выпал сложенный вчетверо листок грубой серой бумаги. Флаер, что вручил мальчишка на улице. Я развернула его и снова вчиталась в пафосный текст.

Мира заметила, что я отлыниваю от работы, и перехватила листок.

— Что это? — она внимательно вчиталась в текст. — «О великих жертвах, принесённых во имя будущего»? Что за бред.

— Театр. Может, сходим туда перед уходом? Представление сегодня.

— Герда, у нас каждая минута на счету. Лев вот-вот вернётся, а мы гулять собираемся? — сказал Влас, возясь с самодельными снегоступами.

— Почему нет? Раз всё равно сжигаем мосты, — я встала, переводя взгляд на флаер. — Вероятность низкая, но может, там будет и Аркадий.

— Да, этот не упустит возможности пропиариться, — поделился Серёжа, борясь с тем, чтобы вставить нитку в ушко иглы.

Мира лёгким движением помогла ему с иглой и пробормотала:

— Тебе он так важен? Герда ещё немного, и я подумаю, что ты на него запала.

— Я хочу увидеть его своими глазами, — прошептала она, уговаривая ребят.

Влас выдохнул и отложил снегоступы, подошёл ближе. Но я не унималась.

— От кого именно мы бежим? — сказала я, протянув ему флаер. — Это не просто спектакль, скорее манифест, проповедь. Назови как хочешь. Мне нужно увидеть его.

— Пан или пропал. Хоть напоследок посмотрим комедию.

Глаза Власа метались. Он смотрел на флаер, потом на меня, снова на флаер.

— Нас могут запомнить?

Я перебила его:

— Мы будем в толпе. Там будет полно народу, смешаемся.

— И вмешаемся, — весело добавил Серёжа.

Влас помолчал с минуту, глубоко вздохнул и кивнул.

— Только если что-то пойдёт не так — уходим сразу. Всем ясно? Я не хочу, чтобы получилось, как в прошлый раз.

Я почувствовала, как внутри разливается странное горячее чувство ожидания.

Все перевели взгляд на Миру. Лицо у неё было измождённое, под глазами залегли тени, которых раньше не было. Девушка помотала головой.

— Я не пойду.

Серёжа обхватил её плечи, отбрасывая штопаную варежку, над которой возился минуту назад.

— В смысле? Мы же вместе всегда.

— Я не могу. Все эти дни подготовки выбили из колеи. Я не хочу снова бежать куда-то. — Её голос дрогнул, но она продолжила: — Вы идите. Дайте просто время на восстановление. Если придёт Лев, скажу, что вы пошли развлекаться.

Серёжа посмотрел на неё, потом на флаер, снова на Миру. В его глазах мелькнула лёгкая грусть.

— Знаешь, я тоже останусь, — сказал он неожиданно серьёзно.

Мы с Власом переглянулись и одновременно произнесли:

— Что?

— А что я там не видел? — Серёжа пожал плечами. — Этого Аркадия? Да плевал я на него.

Мира подняла голову и нежно улыбнулась.

— И потом, — добавил Серёжа, снова надевая маску беззаботности, — кто-то должен охранять добытое. А то сопрут ещё.

Влас перевел взгляд на меня и посмотрел странно.

Его лицо говорило: «С тобой хоть к чёрту в зубы, а уж на спектакль — сам Бог велел».

Он протянул руку, помогая встать с дивана. Герда постаралась не заикливаться на мыслях и накинула куртку. Обернувшись в коридоре, она заметила, как Серёжа сел рядом с Мирой, что-то тихо ей рассказывая, а та слушала его, едва сдерживая хохот.

Влас остановился и улыбнулся, направляя её корпус в сторону лестницы, чтобы не нарушала их интимность. Впереди был театр.

Путь на границу между Экватором и Ядром предстоял неблизкий. Огромное здание с колоннами, которое чудом уцелело, нельзя было ни с чем спутать. Театр «Энергия» сиял огнями, как новогодняя ёлка. Проектора, работавшие от генераторов Ядра, заливали фасад мертвенно-белым светом, отбрасывая хищные тени на площадь.

Герда и Влас подошли к главному входу, смешавшись с другими. Людей было около тысячи. Они стекались к театру со всех сторон, наряженные в лучшее, что было. Женщины в старых пальто и шубках, которые берегли как зеницу ока. Мужчины в поношенных, но тщательно отутюженных костюмах, с жёнами под руку. Дети с глазами, полными предвкушения праздника. Даже рабочие с Экватора, что сутками вкалывают в цехах.

Группа мужчин в тяжёлых, промасленных куртках неуверенно топталась у входа, чувствуя себя не в своей тарелке среди этой принаряженной толпы.

Внутри театр поражал ещё сильнее. Герда никогда не была здесь раньше, поэтому её глаза выхватывали каждую деталь. Высоченные потолки, с которых свисали тяжёлые хрустальные люстры, зажжённые электричеством. Стены обиты тёмно-бордовым бархатом.

— Как в другой мир попали.

Мы нашли места в глубине зала, в тени одной из колонн. Отсюда хорошо было видно сцену, но сами мы оставались в полумраке. Публика постепенно заполнила зал. И все чего-то ждали, на что-то надеялись.

— Вон там, — Влас указал на правую сторону зала, где стояла охрана.

У отдельного роскошного входа, отгороженного бархатным канатом, стояли четырёх мужчин в форменной одежде внутренней стражи Ядра.

Представление началось в семь. Свет в зале погас, оставляя подсветку сцены. На неё вышли актёры в чистых, ярких костюмах и с запоминающимися голосами.

Действо «Рождение» представляло из себя мистерию о том, как после мороза люди объединились для выживания. Как построили свой мир, трудясь не покладая рук. Верили в лучшее и как солнце взошло над городом. Спектакль набирал обороты. Движения актёров были отточены до совершенства, музыка лилась мощным, торжественным потоком. Зал затаил дыхание, заворожённый спектаклем

Герда вцепилась в подлокотники кресла, воздух в зале становился тяжелее. Всё началось незаметно. Свет прожекторов на секунду мигнул, и вместо сцены перед глазами встало другое.

Морозный туман над заснеженным пустырем. Серые, неестественно скрюченные фигуры у стены полуразрушенного, горелого дома. Множество трупов, лежащих вповалку от стычек. Их лица — восковые маски с открытыми ртами, застывшими в беззвучном крике. Иней на ресницах, губах и волосах.

Она моргнула. Наваждение пропало. На сцене актёры синхронно поднимали руки к механическому солнцу. Музыка усилилась. Солнце на сцене начало медленно подниматься, освещая зал золотистым светом. Кто-то в первых рядах всхлипнул от радости. Снова видение.

Лицо Марии, искажённое в немом ужасе, глаза, полные слёз. Губы, что беззвучно шептали. Огонь. Языки пламени, лижущие стены дома. В окнах истерично мечутся тени. К уцелевшей стене прижались люди. Вдавились в кирпич и застыли в отчаянном жесте защиты. Крик двойни, жалобный стон хозяйки, безумный клич остальных.

Мария подняла детей, прижимая к груди, защищая от подбирающегося пламени. Ника плакала, сжимая заштопанную куклу.

Герда зажмурилась, сильно сжав веки. Открыла глаза. На сцене хор запел гимн Солнцу. Голоса взмывали под своды, чистые и ангельские. Люди в зале подпевали.

Гул в ушах перешёл в шёпот. Возник образ. Множество голосов, сливающихся в одно монотонное песнопение. Култ, склонившись над алтарём в башне. Пепел, кровь, кости. Глаза, лишённые разума, полные только слепой веры. Она коснулась пальцами носа, из которого пошла кровь, пачкая всё вокруг.

Голоса людей в зале звучали как похоронный звон. Пришлось закрыть уши и глаза. В темноте, под веками, возникла татуировка старика. Выжженное солнце светилось багровым светом. Оно росло, расползаясь по его телу, захватывая плечи, грудь, шею и лицо. Ерофей исчезал под ней, превращаясь в сплошной символ. Распахнув глаза, я в ту же секунду поняла, что смотрю прямо в центр сцены, где золотой диск солнца, подсвеченный изнутри, медленно вращался, разбрасывая по залу ласковые лучи.

— С тобой всё в порядке? — шепнул Влас, почувствовав моё напряжение.

Она коротко кивнула, чтобы не выдать волнение в голосе.

Зал взорвался аплодисментами. Люди хлопали и кричали «браво!».

Вставая с места, Герда задержала взгляд на роскошной ложе, отделанной позолотой. Откинувшись в кресле, сидел человек. Свет со сцены падал на его лицо, высвечивая точеные черты. Чёрные как смоль волосы, зачёсанные назад, высокий лоб. Острые скулы и тонкие губы. Подтянутый, статный, в идеально сидящем тёмном костюме.

Аркадий.

Он смотрел на людей. Глаза скользили по рядам, впитывая реакцию зала. Словно пастух, наблюдающий за стадом. Наши взгляды на секунду встретились.

Я не отвела глаз, думая, что он не видит нас в темноте колонны.

— Уходим, — голос Власа прорвался в мои мысли. Он уже потащил ее за руку на выход. Двери театра захлопнулись, отрезая свет и музыку. Морозный воздух впервые ощущался приятнее, чем сладковатая вонь лжи.

— Да что с тобой было?

— Не знаю. Усталость, наверное.

Они быстро ушли в темноту, обратно к ребятам.

Глава 7 Воспоминания

Почти все царапины затянулись, покрывшись коркой, а синяки стали меньше.

Компания совершила ночной визит на бывший крытый рынок на границе Экватора и Ядра. А именно в охраняемый ангар, где под замком ржавели несколько вездеходов ГАЗ и запасы солянки в бочках. Опасность представляли лишь два сонных вахтера и патруль, проходящие раз в четыре часа. Сердце колотилось бешеным ритмом.

В день разведки, Лев и Сережа, затаившись в сумерках, отметили слабое место в заднем заборе, где одну из деталей крепежа заменили простой фанерой.

— Нужно отвлечь и занять патруль. — прошептал силовик, оглядывая ребят.

Герда, с её прямоотой и резкостью не подходила, зато подруга была идеальным кандидатом. Мира, придала себе невинный вид. Достала потрепанный, но чистый платок, слегка растрепала волосы. Сделав глубокий вдох, вышла из укрытия, направляясь к сторожевым.

Молодые мужчины в подбитых ватой куртках, с автоматами за спиной, перебрасывались редкими словами, пуская кольца дыма в морозный воздух. Услышав шаги, они насторожились, положив руки на оружие.

— Товарищи... ой простите, ребята... — голос дрожал, но это выдавалось за волнение, звучал тонко, почти детски. — Вы тут не видели... моего мужа?

— Какого мужа? Дамочка, предоставьте документы, это частная территория. — сказал коренастый мужчина с обветренным лицом, переглядываясь с товарищем.

Мира сделала вид, что судорожно шарит по карманам, нижняя губа задрожала.

— Мы с ним... с Периферии. Его на Экватор перевели, Витя зовут, не знаете такого? Я пришла повидаться, сказал тут у склада, после смены подождать. Который час нет!

Патруль застопорился на драгоценное время. Воспользовавшись моментом Влас, Лев, Сережа и Герда в темноте пробрались к фанерной заплате. Влас, обмотав руки тряпками, выдал фанеру внутрь, чтобы мы проскользнули в щель. Отчетливый звук нарушил тишину, скрежет металла по металлу, потом глухой удар и прерывистое шипение.

Патрульные повернулись в сторону звука, переглядываясь, но девушка заговорила волнительнее и прильнула к ним ближе. Голос мастерски сломался, возымев слезные ноты, как это бывает у напуганных, потерянных женщин. Прикрыв лицо краем платка, плечи подыгрывая, задрожали.

Лицо второго мужчины, помоложе, смягчилось. Скука патрульной службы проигрывала женской тревоге.

— Девушка успокойтесь, какая фамилия?

— Борщев Виктор – всхлипнула она – Жду его, жду... может задержали. Подскажите куда идти? - Мира не закончила предложение, по щекам в блестящем свете фонаря, потекли слезы.

Молодой боец толкнул другого, чтобы тот опустил автомат.

— Да брось ты, не реви. Мужики, они... знаешь. Мог в казарме заиграться в карты. Иди домой лучше.

Она уже почти рыдала, закрывая лицо руками и беспомощно опускаясь на корточки, будто силы оставили её.

Внутри, в это время Лев открыл кран на полупустой бочке, подставлял под него пять двадцатилитровых пластиковых канистр, собранных ребятами со всего Радиана.

Они слышали шаги, одного из вахтеров, который откликнулся на шум. Герда, схватила с земли крупный кусок металла и с силой швырнула в противоположный конец склада. Врезавшись в груды металлолома, раздался грохот, заставляя вахтера двинуться в противоположную сторону.

В это время, Лев с Сережей, стиснув зубы, торопливо переставляли наполняющиеся канистры, передавая их Власу. От паров солярки кружилась голова. Через пару минут мук, силовик вытолкнул наружу последнюю канистру. Обжигая пальцы о холодный пластик, Герда помогла Власу перенести их в заранее приготовленную укрытую яму за соседним зданием. Выходя из ангара, ребята слышали, как старший сторож, продолжал расспрашивать Миру.

— А как ты через КПП прошла?

Девушка не растерялась, всплакнула громче с оттенком истерики и обвинения.

— Вы еще и расспрашиваете меня!? Может вы моего мужа уволокли? Наш малыш на вашей совести будет, если с отцом, что-то случится!

— Уходи, по-хорошему – ответил старший, изрядно измотанный от женских воплей – Иди до главного КПП. Там скажи, от Дмитриенко, тебя пропустят.

Мира, не переставая шмыгать носом, засемила в указанном направлении.

Позже, собравшись у силовика, они стали обмениваться мыслями и предложениями. Главной задачей по-прежнему оставался «ТРЕКОЛ». Лев настаивал на тепловой защите внедорожника. В условиях, где каждый запуск двигателя мог стать последним, это было важным вопросом.

Сережа, вспомнил дедовский метод зимней ночевки грузовиков. В заброшенном автосервисе, они нашли несколько рулонов прошитого базальтового утеплителя- негорючего, легкого, некогда использовавшегося для изоляции труб. Редкая удача. Выкроили небольшой ковер по форме внедорожника, прошив по краям обрывками троса для прочности. Внутрь, между слоями базальта, для дополнительной теплоизоляции вшили слой разобранных и распрямленных алюминиевых термоодеял из аварийных комплектов, которые изъяс Лев по служебной необходимости. Получилось многослойное покрытие, которое после остановки двигателя накрывалось на мотор и крепилось крючками из проволоки за элементы подкапотного пространства. Все это нужно для замедления остывания. Юбку для радиатора, соорудили из того же утеплителя и плотного брезента. Сшив щит, который крепился на радиаторную решетку изнутри на время движения. Он уменьшал поток ледяного воздуха, позволяя двигателю быстрее выходить на рабочую температуру.

В вопросе питания, нужны были не пайки, а что-то более качественное. То, что можно жевать всухомятку, что не сгниет и не разольется. Идея пришла Власу, когда в один из вечеров, мы вспоминали кошмар арены. Она состояла в том, чтобы силовик, связался с основателем подпольного рынка. Договориться, забрав небольшую часть от их запаса, взамен он мог гарантировать изменение плана обхода. Пообещав временный покой от рейдов на арене.

Лев встретился с основателем на нейтральной зоне. Тощий, жилистый мужчина с постоянно бегающими глазами, стоял позади двух громил.

— Так это ты в гости к нам заглядывал, недавно. Красиво ушел, надо признать- сишло засмеялся глава.

— К делу — Лев держал руку на оружии в кармане. — У тебя заметил за левой стеной ринга коробки с ИРП старого образца и сублимат. Мне нужна половина.

— С ума сошел? Это мой страховой фонд! – начал глава, но Лев перебил его.

— Страховой фонд тебе не понадобится, если твою контору накроют и отправят всех на работы, включая тебя. Не думай, что бесплатно. Я могу сделать так, чтобы тебя не трогали ближайшие месяцы. С учетом того, что ты отбиваешь стоимость коробок за неделю, для тебя это выгодная сделка.

Основатель долго смотрел на него, оценивая что-то в голове.

— Что ты задумал? – с прищуром ответил тот.

Но Лев не ответил, только нагло повторил.

— Половина и... координаты того, у кого можно забрать брезент и спальные. Я думаю, ты в курсе.

Глава задумался, потом кивнул, все еще немного опасаясь Льва.

— Мне любопытна твоя наглость. – прошипел он, с хитрыми искрами в глазах. — Завтра ночью, будь готов в три часа, забереешь своё. – процедил глава, удаляясь.

На следующий день, проникнув на арену с другой стороны. Мы вытащили из оговоренного тайника пыльные коробки. Двадцать упаковок сублимированного картофеля и мяса, десять кирпичей пищевого концентрата, гречневая каша с тушенкой. Уходя, я увидела, как из-за темной колонны за нами внимательно наблюдал основатель.

Уже дома, я отвлекала Марию, пока ребята оперативно переносили еду на второй этаж. Поднимаясь, я всмотрелась в щель, между потертой занавеской, отделявшей детский уголок, и стеной. Взгляд пересекся с Никой. Девочка отвернулась, словно пойманная с поличным.

Поднявшись, принялась укладывать пачки галет в рюкзак, прокладывая их тканью, чтобы не крошились. Подруга, что старалась втиснуть огромный брикет концентрата, медленно оставалась.

— А если все оставить им? Марии и двойняшкам- тихо сказала она, не поднимая глаз – И самим остаться? Это же целое богатство. Сможем продержаться, обменять что-то на лекарства, если...станет хуже.

Привычно бойкий Сережа сидел, прижавшись спиной к стене, и смотрел на эту кучу добра со вселенской усталостью.

— Оставлять коробки тоже риск. А если придут с обыском, на следующий день, и не успеем обменять? Или кто-то из соседей увидит и сдаст?

Герда запустила пальцы в волосы массируя виски. Все было почти готово к вылазке, но в голову все равно лезли противоречивые мысли.

«Бросаем их, ради призрака на карте, нарисованного человеком, которого знаем пару недель. Доверяем жизни, случаю. Что я делаю»

Она закрыла глаза, отгоняя внутренний голос. Спрятала полные сумки в диван. Ночь перед исходом ощущалась особенной. Воздух в доме, от невысказанных слов, тяготил совесть. Пока никто не видел, я положила в карман халата Марии шоколадные плитки.

Сон не шёл. Измученное адреналином и страхом тело, заставляло разум метался. Лежа в темноте, по ощущениям около часа, я услышала шорох. Маленькие босые ноги зашаркали по полу, к кровати подкралась тень.

— Тетя Герда? – едва слышно прошептала девочка.

— Ника? Что не спишь?

Я чувствовала её взгляд в темноте, потом она осторожно, будто боясь обжечься, присела на краешек матраса.

— Вы...вы все уходите? – прошептала она, не из любопытства, а с уверенностью.

Захотелось соврать, сказать что-то утешительное, сладкое. Но слова застряли в горле комом.

— Нам нужно уехать на некоторое время- ответила я и голос показался чужим. – По работе.

— Как папа? – тут же выпалила Ника.

— Мы постараемся вернуться.

В словах прозвучала фальшь. Слово «постараемся», было жалкой валютой для ребенка.

Ника молчала, маленькая рука нащупала мою и уцепилась с силой, неожиданной для такой хрупкости. Потом пододвинулась ближе и прижалась лбом к плечу. От нее пахло детским потом и нестиранной шерстью.

— Я буду молиться за вас, каждый день. И за дедушку. Мама говорит, что бог забыл про нас, но я думаю, он просто очень далеко.

— Спасибо — она погладила ее спутанные волосы. — Только никому не говори, что мы уезжаем, это наш с тобой секрет.

— Я не маленькая и умею хранить секреты.

Она поцеловала меня в щеку, сухими потрескавшимися губками, и словно сбросив груз, поплелась обратно к своему месту.

Трещины на потолке складывались в знакомые узоры. Чтобы заглушить внутренний гул, память утащила меня в прошлое.

Сон нахлынул, погружением в ледяную воду. Я очнулась ребенком, в своей старой комнате стерильно-холодной, как страницы отчета. Привычный, дождливый вечер большого города, в котором огни реклам в окнах, казались далекими и ненужными. Голос отца доносился из кабинета, приглушенный дверью. Он договаривался с кем-то по телефону.

В голове всплыло его отрешенное лицо, хмурые брови и вздутые вены на шее.

Отец никогда не входил в мою комнату. Взгляд скользил, но не задерживался, как по предмету интерьера. Прикосновений я не помнила вовсе. Ни объятий, ни поцелуя в лоб. Но с возрастом воспринимать это стало легче. Отрешенность появилась и у меня.

Воспитание, наказывало обращаться к нему, ласково: «Папа». Оно не позволяло называть его по имени. Родителей преследовал страх, что кто-то решит будто наша семья в чем-то несчастна.

Я зацепила струны своей скрипки. Она расстроено ответила, глухим звучанием. Неторопливо прошла в гостиную. Обстановка заставила события прошлого хлынуть с новой силой. Стало больно. Я отшатнулась и задела стеклянную вазу. Осколки зависли в воздухе и засияв разными цветами, составили силуэт матери.

Её мир состоял из гала-ужинов и спа-процедур. Сначала, в комнату заходил дорогой парфюм, потом и она сама. Забота выражалась в покупке вещей и бесконечным записям к репетиторам. Крепко обнимала последний раз в младенчестве, последующие годы, только на день рождения, легко и быстро, чтобы не помять свою шелковую блузку.

Каждая попытка начать откровенный разговор, заканчивался провалом. Быть честной в своих чувствах, было неуместным в нашей семье.

Я спустилась кухню, провела рукой по столешнице. Разговоры за ужином велись только о фактах: что купить, куда поехать, какие оценки. Никто не спрашивал: «А что ты чувствуешь?», «А что тебе приснилось?». Любое проявление сильной эмоции — страха, восторга, горя — встречалось смущённым молчанием, словно я нарушала негласный договор. Взгляд зацепился на семейную фотографию, в серебряной рамке. Красивой, но мертвой, как манекены в витрине.

ШИПЕНИЕ

Их лица на миг исказились, из глазниц потекла кровь, а рты открылись в истошном вопле. Стены задрожали. По инерции, я выбросила фото в окно. В этот же миг пространство стянуло, оставив только бескрайнее снежное поле.

«И что я только пыталась почувствовать к этим людям. Любовь? Тоску? Даже ненависть казалась слишком горячей для этой мерзлоты.»

Внутри была только пустота, большое, белое пространство.

Глава 8 Побег

Предраассветный час в Радиане — это время наибольшего холода. Воздух становился хрустально-колким, и каждый звук в нём расходился, как трещина на льду. Стражники на постах клевали носами, укутавшись в тулупы.

Кто-то потряс меня за плечо, вынуждая проснуться.

— Пора, — шепнула подруга.

В другом конце комнаты я различила силуэты парней, которые встали немного раньше. Мы старались не издавать звуков и не разговаривать.

Я оделась на ощупь, многослойно. Краденая форма Ядра как базовый слой, на неё — собственная потрёпанная одежда, и в завершение — верхняя куртка. Руки на автомате проверили крепление лямок. Сделав шаг к выходу, захотелось задержаться. Но я заставила себя не оглядываться на спящих.

Мы выскользнули из дома по одному. Сначала Влас, проверяя периметр, потом Серёжа, слегка покачиваясь от тяжести собранного. Следом — бледная как смерть, но с твёрдо сжатыми губами Мира, и я.

Город спал утробным, мёртвым сном. Казалось, что из каждого тёмного окна обгорелых домов кто-то наблюдает, пожирая жадным взглядом. Всё ощущалось коридором чужого сна, в котором мы были странниками, нарушившими чужой покой. Неосознанно мозг начал считать шаги

«Сто три, сто четыре, ещё два поворота, сто шесть, дыши ровно».

Лев ждал у условленного места, возле обвалившихся стен гаражей, примерно в двух кварталах от паркинга для спецтехники. Мы молча кивнули друг другу.

— Вахтёрская смена меняется в шесть, — Лев перевёл взгляд на механические часы на запястье. — Сейчас пять тридцать. У нас тридцать минут на проход через дыру, погрузку и запуск. Действуем быстро.

Путь был полосой препятствий в миниатюре. Дыра в заборе, о которой говорил Лев, оказалась лазом, проделанным для контрабанды. Пришлось ползти, волоча за собой рюкзаки и чувствуя, как ржавая проволока цепляется и впивается в одежду.

Внутри территории царила мёртвая тишина, помимо завывания ветра в рёбрах ангаров. На паркинге мы припрятали добытые канистры с топливом.

Влас и Серёжа принялись заправлять машину. Нервный процесс сопровождался звуком плескания солярки в горловину. Дело шло быстрее в четыре руки: пока один держал воронку, другой вливал. Девушки торопливо загружали в машину мешки с ИРП, канистры с водой, рюкзаки и свёрнутый брезент. Укладывали вещи, выжимая из пространства кузова каждый сантиметр. Самые нужные — ближе к люку, аптечка и еда — под сиденья. Лев стоял на шухере, прислушиваясь к окружению. Пистолет был на предохранителе, рука на кобуре. Когда мы закончили, мужчина махнул рукой, чтобы компания располагалась внутри

Мы забежали и устроились в кузове, пристегнув ремни. В нос ударил аромат старого железа, масла и пыли

Пальцы мужчины уверенно скользнули на приборную панель.

— Ну давай, не подведи, — прошептал Лев, проворачивая ключи.

Раздался глухой щелчок, но двигатель не заработал.

Только спустя пару минут внедорожник ровно и мощно заурчал, готовый к работе. Рёв двигателя отразился от стен, заставляя всё вибрировать

— Есть! Ожила, красавица, — сказал Серёжа, хлопая ладонью по сиденью.

В ту же секунду мир снаружи взорвался светом. Прожектора, укреплённые на столбах по периметру автобазы, озарили территорию. Сквозь щели и окна в стенах ангара свет ворвался острыми лучами.

Сирена завывала короткими очередями. Прозвучал голос, усиленный мегафоном:

Внимание, лица, находящиеся в ангаре номер два! Немедленно покиньте транспортное средство! Ангар оцеплен!

Сердце провалилось в пустоту. Подруга часто и коротко дышала, вцепившись так, что ногти впились в кожу.

Звук выстрела. Пуля ударила в металлическую створку ворот ангара, оставив рваное отверстие. Все вздрогнули, Мира вскрикнула и прижалась к моему плечу.

Последнее предупреждение! Выходите с поднятыми руками!

Лев резко обернулся к нам.

— Держитесь крепче. За всё, что можно.

— Ты что задумал? — спросил Влас, неуверенно вглядываясь в него. — Ворота заперты цепью толщиной в палец.

— Придётся на таран.

Лев поправил зеркало и перевёл взгляд на противоположную стену ангара, что выходила в сторону пустыря, где за забором начинались развалины промзоны.

Он включил первую передачу, попутно объясняя:

— Стена старая, думаю, сложена из шлакоблока.

— Ты с ума сошёл!? — крикнула Мира.

Серёжа, сидя рядом, протянул руки, заставляя нас с Мирой опустить головы.

Лев вдавил педаль газа в пол. Машина рванула с места. Шины взвизгнули по бетонному полу. Тело вжалось в сиденье. Девушки закрыли глаза, в отличие от Серёжи. Парень поднял голову с безумным восторгом, желая увидеть своими глазами, как приближается стена. Метры сокращались с чудовищной скоростью. Ребята вжались в спинки кресел. Мира закричала.

УДАР.

Звон в ушах синхронизировался со скрежетом металла и грохотом рушащихся блоков. Всех швырнуло вперёд, ремень безопасности больно впился в грудь. Мир закрутился в калейдоскопе искр и обломков.

Когда шипение в ушах улеглось, я открыла глаза. Вокруг клубилась пыль, сквозь которую пробивался тусклый свет. Внедорожник нёсся, оставляя за собой морозные клубы. Оглянувшись назад, я оценила зияющую, рваную дыру в стене, из которой выбегали люди с автоматами. Пули зацокали по броне, пытаясь пробить. Но мы набрали скорость, несясь в лабиринт развалин.

Влас активно потряс головой, отряхивая её от шума в ушах.

— Все живы? — сказал Лев, оглядывая остальных. Из его рассечённой брови по щеке стекала кровь.

Серёжа аккуратно растормошил подругу. Она подняла голову, бледная как мел, и кивнула, облокачиваясь на него.

— ГОНИ, ЛЁВА, ГОНИ! — весело ликовал парень.

Лев вёл машину, игнорируя кровь, заливающую глаза. Он выкрутил руль, направляясь в узкий проезд между развалинами. Не успел проскочить — сзади из-за угла вылетели два УАЗа с мигалками.

Влас, наклоняясь, вцепился в панель. В бок ударила автоматная очередь. Пули зацокали по бронированному борту, одна скрикошетила от крыши.

Мы зажали уши, падая на пол кабины. Фары погони неумолимо приближались.

Лев как одержимый выискивал путь среди руин и узких улочек. — Давай налево! — крикнул Влас, заметив просвет между двумя пятиэтажками. — Там проезд к старой промзоне!

Преследователи не отставали, методично зажимая нас к длинной стене полуразрушенного цеха. Лев попытался выжать скорость, но ТРЭКОЛ не был создан для гонок. Колеса тяжело переваливались по ухабам, а УАЗ только наглед, подбираясь ближе.

— Он сейчас нас в стену вмажет! — крикнула Мира.

Серёжа высунулся в окно и, увидев что-то, придержал нас с Мирой и быстро прокричал:

— Лев, выворачивай влево! В ту дыру!

Визг колес. Мы рванули в рваный пролом, куда нормальная машина никогда бы не сунулась. Резкий поворот прижал нас к двери. ТРЭКОЛ задел зеркалом угол дома, высекая искры, и нырнул. Вездеход влетел в пролом. После удара брызнула крошка, металл заскрежетал по броне. Нас бросило вверх, потом вниз. Мы провалились внутрь здания, перемалывая груды

битого кирпича, торчащей арматуры и обломков перекрытий. Колеса плющились об острые края, но вездеход пёр, не сбавляя хода. УАЗ поздно понял, куда мы целили. Вписался в переднюю стену, не успев затормозить. Капот смялся, из-под него валил пар.

Выехав из здания, мы увидели, что нас нагоняет второй УАЗ, скользя параллельным курсом по другой улице и планируя перехватить беглецов на выезде из промзоны

— Они нас отрезают, — выругался Лев, резко затормозил и развернул машину поперёк дороги. Всех бросило вперёд. Одной рукой он передал Власу пистолет.

Увесистый ТТ лёг в его ладонь. Парень на мгновение замер, не зная, что делать с оружием. Но, решившись, высунулся в боковое окно. Ветер и холод мгновенно обожгли лицо.

Лев выкрутил руль, уводя машину от очередного столба.

— По колесам! — крикнула я Власу.

УАЗ был в метрах тридцати сзади, его фары слепили.

БАХ!

Пуля взвизгнула, срикошетив от асфальта.

— Целься! — закричал Серёжа. — Сосредоточься!

Влас выругался сквозь зубы, прикусил губу и поймал в прицел переднее колесо преследователя.

БАМ!

Пуля пробила колесо. УАЗ резко клюнул носом, его повело в сторону, и преследователь потерял управление на обледенелой дороге. Машина закрутилась волчком, вылетела с трассы и с глухим ударом врезалась в сугроб, зарывшись фарами по самую крышу

— ЕСТЬ! — заорал Серёжа, чуть не выпав из сиденья от восторга. — Красава!

Влас, тяжело дыша, втянулся обратно в кабину. Дрожащими руками протянул оружие владельцу, но тот лишь мотнул головой:

— Оставь себе. У меня есть.

Позади из разбитой машины наружу выбирались люди. Целые на вид, но злые и униженные.

Улицы города кончились внезапно. В какой-то момент развалины расступились, и перед нами открылась белая, бескрайняя пустошь тундры. Сзади, в зеркалах, ещё маячили далёкие огни, быстро растворяясь в морозной дымке.

Лев сбросил газ, замедлил ход, переваливаясь через сугробы. Он остановился посреди белого безмолвия. Тяжёлая тишина была наполнена хриплым дыханием и стуком бешено колотящихся сердец.

Плотину прорвал нервный смех Серёжи, такой нелепый в этом напряжении. Уголки моих губ сами собой приподнялись

Влас спрятал пистолет за пазуху. К силовикау всё больше зарождалось что-то помимо недоверия и вражды. Тяжёлое признание.

Лев перевёл дыхание, положил руки на руль и медленно выдохнул, прогоняя из лёгких остатки адреналина.

Внедорожник снова тронулся с места, увозя всё дальше. Радиан на горизонте таял грязным пятном. Мы неслись по белой пустоши, как жук по чистому полотну. За окнами редко мелькали чёрные скелеты деревьев и серое, низкое небо без прояснений. Двигатель устало урчал, а бензин таял на глазах.

Прошло несколько часов. Герда потеряла счёт времени. Подруга дремала, привалившись к её плечу. Серёжа тихо посапывал, развалившись на нескольких креслах напротив нас, укрытый брезентом. Влас думал о своём, изредка поглядывая на нас, но его глаза слипались. Парень не мог позволить себе заснуть — что-то внутри заставляло его контролировать маршрут. Лев вёл машину, то и дело бросая взгляд на приборную панель, где лежала потрёпанная исписанная

карта, прижатая тяжёлым металлическим фонарём. Она наполнилась испещрёнными пометками, стрелками, цифрами и координатами, написанными от руки мелким, убористым почерком.

Я прошла по салону и легко коснулась плеча Власа, призывая отдохнуть в кузове с остальными. На самом же деле питаю желание остаться с силовиком для расспросов. Влас спокойно прикрыл глаза и, немного задержав мою руку на своём плече, переваливаясь, встал, собираясь немного поспать.

Я села рядом со Львом, на пригретое место.

— Лев, как ты вообще понимаешь, куда ехать? Тут же бездорожье без указателей.

Мужчина не ответил, аккуратно снял фонарик с карты и передал его мне.

— Посмотри сама.

Приблизившись к карте, глаза зацепились за незнакомую схему — не ту, что он показывал в камере. Эта была старой, пожелтевшей, с обтрёпанными краями. Довоенная топографическая карта ещё с советских времён. Посветив ближе, я различила обозначения старых дорог, посёлков, рек и линий электропередач, поверх которых силовик нанёс свои пометки красной ручкой.

— Видишь эти отметки? Красным я обозначил координаты базы, а синим — ориентиры, которые можно использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.